

АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ЕЕ УЗНАТЬ?

ТОМАС УИДРОУ

Первая публикация – 1856 г.
Первое Издание СПЦШ – 1954 г.
(Перепечатано с Пятого издания от 1881 г.)
Шестое издание полностью пересмотренное, 1990 г.
Переиздано 2001 г.
Первое издание на русском языке
©2002

The Apostolic Church
First published 1856
First FPP edition 1954
(Reprinted from the fifth edition of 1881)
Sixth printing completely reset. 1990
Reprinted 2001
First printed in Russian Language
©2002

Published by:
FREE PRESBYTERIAN CHURCH OF SCOTLAND
133 Woodlands Road
Glasgow / Глазго
G3 6LE
Scotland
ISBN 0902506544

Содержание

1. ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА	<i>стр.</i> 5
Значение слова «Церковь»	13
Церковное руководство	19
2. АПОСТОЛЬСКИЕ ПРИНЦИПЫ	25
Первый принцип	27
Второй принцип	31
Третий принцип	34
Четвертый принцип	37
Пятый принцип	40
Шестой принцип	46
3. ПРИЛОЖЕНИЕ ПРОВЕРКИ	49
Прелатство	50
Независимость	53
Пресвитерианство	57
Результат	62
4. ПРАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ	67
Приложение - Вестминстерское Исповедание Веры гл.31	81

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Формулировка вопроса

Среди людей, исповедующих христианство, весьма общепринято проводить в религии различие между *главным* и *второстепенным* и заключать, что если какой-либо факт или доктрина по праву относятся к последней категории, то они непременно являются очень маловажными вопросами, и в практике их с уверенностью можно ни во что не ставить. Огромная масса людей принимают мнения о вере без вопросов: они не желают потрудиться над размышлениями, поисками и рассуждениями о чем-нибудь, и одна из самых обычных уловок, к которой они прибегают, чтобы избавиться от вопросов и отклонить убедительность любого неприятного факта - это встретить его словами: "Этот вопрос не существенен для спасения; поэтому нам не нужно сильно беспокоиться по этому поводу".

Если разница, установленная здесь, является безопасной, то вывод, сделанный из нее, безусловно опасен. Говорить, что если факт Божественного откровения не существен для спасения, то он непременно должен быть маловажным, и нам его можно принимать или не принимать, значит утверждать принцип, применение которого разрушило бы наше христианство. Ведь какие это истины, необходимые для спасения? Не они ли: что есть Бог; что все люди грешны; что Сын Божий умер на кресте для того, чтобы искупить виновных; и что всякий, верующий в Господа Иисуса Христа спасен будет? Есть основательные причины верить, что в блаженстве теперь находятся немало душ, которые в жизни знали не намного больше этого - первых принципов Писания Божия, самой азбуки христианской системы; а если это так, то никакие другие Божьи истины не могут считаться абсолютно необходимыми для спасения. Но если все остальные истины откровения незначительны по той причине, что они, оказывается, не существенно необходимы, то следует, что Слово Божье тоже в основном незначительно; ибо гораздо большая часть его занята вопросами, знание которых, в предположенном случае, не является абсолютно обязательным для вечного счастья людей. Также, если мы считаем, что число фундаментальных истин намного больше, то это не изменяет положения. Пусть человек однажды убедит себя, что важность сочетается только с тем, что ему понравится назвать самым главным, каким бы ни было его число, - и он, несомненно, сократит свой символ веры и разрушит основание многих споров; но он практически отложит в сторону все, кроме очень малой части Писания. Если такой принцип не искажает Библию, то он клеймит большую ее часть незначительной. Все откровение - это золото по ценности и чистоте, но самое прикосновение такого принципа превратило бы большинство его в окалину.

Хотя не каждое заявление Писания можно считать абсолютно необходимым для спасения, все же все, что в нем есть, необходимо для какой-то другой мудрой и важной цели, иначе оно не нашло бы места в благом Слове Божьем. Человеческая мудрость может сбиться с толку, пытаясь точно определить цель каждой истины, являющейся составной частью Божественного откровения, но вечность нам покажет, что никакая часть его не является бесполезной. Все Писание полезно. Факт, записанный в нем, может и не быть существенным для спасения людей, но он может быть весьма благоприятным для какой-то другой великой и милостивой цели в промысле Бога - он может быть необходимым для нашего личного утешения, для нашего водительства в жизни, или же для нашего возрастания в святости; и, весьма безусловно, он необходим для полноты системы Божественной истины. Закон Бога совершен. Вычеркни из Библии истину, кажущуюся наиболее незначительной из всех - и закон Божий больше не будет совершенным. В архитектуре небольшие камни, заполняющие щели в стене, занимают второстепенную позицию по сравнению с угловым камнем; но строитель говорит нам, что они соответствуют своему назначению, как и угловой камень, и делают свое дело для того, чтобы содействовать прочности и целостности дома. В кораблестроении винты и болты, опоясывающие корабль, незначительны по сравнению с дубовыми бимсами и сосновыми мачтами, но они вносят свою полную долю в безопасность судна и пассажира. Так и в христианской системе - каждый факт, большой он или малый, который Бог изволил вставить в Библию, по самой своей позиции наделен важностью, отвечает своей цели и, хотя, возможно, он справедливо считается не существенно важным для спасения, он не заслуживает того, чтобы его считали ничем не стоящим.

Каждая Божественная истина важна, хотя, возможно, не все Божественные истины равно важны. Самое простое заявление Библии - это дело большей важности для бессмертного бытия, чем самое возвышенное изречение простого человеческого гения. Первое несет в себе то, чего второе не может предьявить - печать Божьего одобрения. Первое приходит к нам с неба, а второе имеет привкус земли. Первое представляет для нас особый интерес, формируя составную часть того Слова, которое является Словом Бога для каждого человека в отдельности; второе же - это творение всего лишь человеческого ума, которому как мы, так и все наши интересы были равно неизвестны. Любая всего лишь человеческая истина должна быть для нас такой легковесной, как перышко по сравнению с самой незначительной из Божьих истин. Вера христианина должна изо всех сил стараться достичь и постичь все, что Бог удостоил чести иметь место в том Слове, цель которого - быть светом ногам нашим, когда мы пробиваем себе путь через этот мрачный мир. Кроме того, эта книга, в отличие от всех

остальных, не обречена на погибель. Небо и земля могут пройти, но слова Христа не пройдут. Печать вечности запечатлена на каждом стихе Библии. Этого факта самого по себе достаточно для того, чтобы сделать каждую ее строку важной.

Мы считаем правильным ввести наше изложение церковного устройства такими замечаниями. Немногие зашли бы так далеко, чтобы утверждать, что правильные взгляды на церковное руководство необходимы для спасения, и все же, это - тема, важность которой было бы не разумно недооценивать. Святой Дух, говоря в Писании, рассматривает эту тему. Еще со времени реформации христианский мир расходился во мнениях о ней. Мы не можем присоединиться ни к какой деноминации христиан, не отдав своего влияния то ли истине, то ли заблуждению по отношению этого вопроса; и взгляды, которые мы принимаем на эту тему, многого добиваются в оказании влияния на наши взгляды в вопросах христианской веры и практики. С такими фактами перед собой, хотя мы можем и не считать устройство Новозаветной Церкви необходимым для спасения людей, мы не чувствуем себя свободными недооценивать его важность.

Различные формы церковного руководства, которые, как мы находим, существуют в христианском мире в настоящее время, можно отнести под одно или другое из следующих заглавий: *Прелатство*, *Независимость* и *Пресвитерия*. Мы употребляем эти термины не для того, чтобы оскорбить кого-то, а потому, что считаем, что они лучше всех выражают особенности, свойственные каждой системе. *Прелатство* - это та форма церковного руководства, которая отправляется архиепископами, епископами, настоятелями, архидиаконами и другими исполнителями церковных служений, в зависимости от данной иерархии; и пример которой мы видим в греческой, римско-католической и англиканской церквях. *Независимость* - это та форма церковного руководства, отличительным принципом которой является то, что каждая отдельная община находится под властью Христа и не подлежит никакой внешней подведомственности, но имеет сама в себе - в своих служителях и членах - все материалы руководства; и является такой, какая в настоящее время находится в практическом действии среди конгрегационалистов и баптистов. *Пресвитерия* - это та форма церковного руководства, которая отправляется пресвитерами или старейшинами, собравшимися на сессию, пресвитерию, синод или генеральную ассамблею; и является такой, какая представлена в различных пресвитерианских церквях Ирландии, Шотландии, Англии и Америки. Эти три формы церковного устройства в данный момент широко распространены в христианстве. Действительно, все остальные устройства, принятые какой-либо значительной группой христиан, являются модификацией или смесью некоторых из систем, названных нами.

Очень короткая проверка поможет нам увидеть, что эти три системы широко расходятся в своих характерных чертах. Кроме того, Прелатство, во всех своих основных принципах, противостоит Пресвитерии; а Независимость, в своих главных принципах, противостоит обоим. Следует, что эти три формы, так сильно отличаясь друг от друга, не могут все быть правы, и, конечно же, не могут иметь равные притязания на преданность и поддержку просветленных и добросовестных людей. Больше того, само по себе видно, что Слово Божье - единственное правило веры и практики - не может одобрять всех их; ведь, поскольку Слово Божье никогда не противоречит себе, оно не может разрешать противоречащие системы. Какая-то одна из трех должна быть больше в согласии с волей Божьей, как она выражена в Писании, чем остальные; и узнать, которая это из них, должно быть предметом глубокого интереса для каждого чада Божия. Христианин обязан любить истину, и мы имеем основание думать, что если бы только христианин смог увидеть, о которой из этих соперничающих систем свидетельствует Слово Истины, то он поддерживал бы ее изо всех сил, а к остальным относился бы холодно. Если человек, увидев разницу, может одинаково уважать то, что, как он знает, является всего лишь человеческим, и то, что, как он знает, является Божественным, то пусть он попросится со своим христианством и перестанет притворяться, что питает какую-то преданность истине. Религия Господа Иисуса, если мы глубоко не ошибаемся в ее духе, обязывает всех, кто ее принимает, предпочитать истину неправде, правильное неправильному, добро злу; а если мы из любых соображений склоняемся держать их в равном благоговении и ценить их на равном уровне, то мы отбрасываем от себя одно из первых требований христианства. Влияние христианина в этом мире часто очень незначительное, но, каким бы оно ни было, это - талант, за который он в ответе перед Богом, как и за свое время, деньги или интеллектуальную силу, и это влияние должно всегда находиться на стороне истины, и никогда не должно идти против истины.

Какую же, тогда, из трех форм церковного руководства, преобладающих в мире, христианин обязан избрать и поддерживать?

Это - вопрос огромной важности. Кроме того, он навязывается нашему вниманию в каждой местности, где выступает фасад отделившейся церкви, и где в воздухе возвышается шпиль церкви. И все же нужно признать, что большинство христиан умудряются пройти через жизнь, даже на часок не задумываясь об этой интересной теме. Большинство людей согласны позволить своим предкам выбрать для них церковь, и каждое воскресенье ходят на богослужение по следам своих прадедов, не зная почему, и зачем - им все равно. Одни уклоняются от расспросов, чтобы не оказалось, что церковь, к которой они привязаны узами семьи, образования и привычки лишена всякого авторитета Писания, и чтобы не чувствовать себя неудобно, когда их убеждения начнут бороться против интересов. Но главная причина того, почему интерес на эту тему почти что угас - это то, что кафедра

молчит, или почти что молчит, о церковном руководстве. На эту тему труба издает не неопределенный звук, а обычно не издает вообще никакого звука. Мы убеждены, что в любом вероисповедании есть только немного служителей, могущих сказать своим людям, что на эту тему “мы не упустили возвещать вам всю волю Божию”. Люди, внимание которых никогда особо не направлялось к тем местам Писания, где содержатся принципы церковного руководства, не выделяют ни время, ни мысли для размышлений над этой темой. Результат таков: огромные массы мужчин и женщин живут в полном неведении не только о библейских фактах, имеющих отношение к делу, но даже об особенностях их же вероисповедания; они - прелатисты, независимые или пресвитериане по рождению, а не по убеждению; они считают все формы церковного руководства равно правыми, что равняется сочтению их одинаково ничего не стоящими; у них нет определенных понятий на эту тему; и таким образом, при отсутствии открытого наставления они готовы, по велениям обстоятельств, поддерживать любую систему или вообще никакой, в зависимости от того, как это может лучше всего подойти их личному удобству или способствовать их мирскому честолюбию. И так обстоит дело, что много людей, которые, на взгляд снисходительности, являются христианами, относятся к вероисповеданию, с которым их связало рождение или случай, либо со слепой преданностью, либо с грешным безразличием; и, хотя в каждой деревне соперничающие системы церковного устройства имеют своих представителей, они бредут по утомительному пути жизни в беспечном безразличии к всем таким вопросам, и никогда не тревожатся вопросом, который возникает у других при виде самого шпиля церкви: *Которая из них права?*

Большая часть людей, которые удаляются от общения одной церкви для того, чтобы связаться с другой и таким образом пользуются своим правом выбора между различными формами церковного руководства, побуждены отдавать свое предпочтение, руководствуясь такими мотивами, которые никогда не должны влиять на разумного христианина. Они руководствуются чувствами, а не суждением. Они не выяснят сначала основные принципы деноминации из ее признанных стандартов, а потом - проверят эти принципы в свете Слова Божьего. Большая часть человечества недостаточно мыслящая, чтобы искать принципы и взвешивать их. По крайней мере они не обременяют себя, а в своем выборе находятся под влиянием то ли авторитета какого-то великого человека, то ли моральной ценности каких-то определенных особ, или же - набожности и красноречия какого-то местного служителя, или возможно, пустяковой ссоры, мелкой наживы, любви к чинам или манерам мира, либо руководствуются другими, равно низкими и грубыми соображениями. Но ведь делать выбор между соперничающими претензиями Прелатства, Независимости и Пресвитерии на основании таких критериев, как эти - крайне абсурдно. Испытайте их авторитетами великих людей! Среди этих трех систем нет ни одной, которая не смогла бы предоставить длинный список выдающихся людей, которые горячо поддерживали их до последнего часа своей жизни. Испытайте их моральной ценностью! Среди них нет ни одной, которая не смогла бы предоставить порядочное количество высокочтимых земли, ждущих ее благословения и покоящихся под ее сенью. Если мы спросим, которая из данных систем предоставляет способных и набожных служителей для наставления народа, то найдем, что кафедры каждой из них наполняет большое число таких людей; а если проверим дальше, то обнаружим, что нередко в одном и том же городе может находиться один служитель, который и красноречив, и силен в Писании, который всю неделю трудится в Господнем саду, как пчелка, а когда наступает воскресенье, он раздает сласти Слова Божия восхищенным толпам; тогда как, связанный с той же деноминацией, на другой стороне улицы может находиться некий ничтожный, жалкий трутень, обреченный жужжать в пустоту круглый год. Любые такие методы испытания церковных систем, как бы они ни были распространены, ненадежны и рискованны.

Нам кажется, что существует намного лучший метод выбора между претензиями тех форм церковного руководства, которые в настоящее время существуют в мире - то есть, проверить их особенные принципы критерием Слова Божия. Этой книги вполне достаточно, чтобы указать христианину стезю долга в этом вопросе, как и во всех остальных, потому что ее Божественный Автор предназначил ей быть нашим ориентиром в вопросах как веры, так и практики. Библия предоставляет нам особенные возможности для формирования взгляда на этот вопрос. Она повествует нам о Церкви, организованной в мире восемнадцать столетий тому назад. Основателями той Церкви были апостолы и пророки, действующие властью Бога. Каждый точно известный факт о первоначальном установлении Церкви сохранен в Библии, а все, что сохранилось где-нибудь в другом месте - это только молва и традиция. В Писании мы читаем об очень многих фактах, помогающих нам довольно точно узнать историю, учение, поклонение и руководство той Церкви, которая существовала в апостольские дни. Принципы руководства, учрежденные в Церкви, основанной вдохновенными людьми, должны были иметь - мы уверены - одобрение Бога. Коррупция управления, как и искажение доктрины, возникли в очень ранний период, но в апостольские дни Церковь была чище, чем когда-либо в последующие времена. Поэтому самый явный метод достижения истины - это сравнить наши современные системы церковного руководства с образцом, поданным в Священном Писании. Та, которая имеет самое сильное сходство с Божественным оригиналом, скорее всего сама будет Божественной.

Самые сердечные друзья существующих церковных систем не могут честно возразить такой проверке. На земле вряд ли есть церковь, не притязующая громко на апостольство. Епископальные церкви утверждают, что

они апостольские. Независимые церкви утверждают, что они апостольские. Пресвитерианские церкви утверждают, что они апостольские. Каждая из этих деноминаций заявляет, что она сохраняет то же учение, поклонение и руководство, которое отличало Церковь, основанную Господними апостолами. В одном из этих пунктов - о церковном руководстве - мы и предлагаем проверить эти утверждения тем самым испытанием, которое они сами выбрали. Отбрасывая от себя всякое предубеждение, мы приступаем к закону и свидетельству, желая узнать, что говорит Бог на данный вопрос, и полны решимости следовать туда, куда указывает Писание, куда бы то ни было. Давайте исследуем Библию, чтобы увидеть, чему она учит на эту великую тему. Если, по тщательному анализу, мы не сможем обнаружить в ней ясные и определенные принципы церковного руководства, то последует неизбежный вывод - что Прелатство, Независимость и Пресвитерия стоят на одном уровне: ни одно из них не основывается на Божественном авторитете, и вопрос того, которую форму мы поддерживаем, становится вопросом всего лишь целесообразности или удобства. Если же мы обнаружим, с другой стороны, что определенные великие принципы управления церковью содержатся в Писании, то, когда мы точно установим, какие это принципы, мы достигнем Божьей воли на этот вопрос, и найдем критерий, которым сможем проверить ценность существующих систем и определить, сколько в каждой из них есть человеческого, а сколько - Божьего.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ЦЕРКОВЬ»

Слово «Церковь» в нашей обычной речи употребляется в разных смыслах. Иногда оно обозначает материальное здание, сооруженное для поклонения Богу; иногда оно обозначает людей, обычно собирающихся в таком здании; иногда - общее число духовенства в отличие от мирян; иногда - коллективное общество людей, называющих себя христианами. Поскольку общее употребление - это закон языка, то нам не пристало возражать против ряда значений, которые наши самые выдающиеся писатели придают данному слову; мы даже не можем сказать, что из-за них возникает значительное практическое затруднение, поскольку сопровождающие детали обычно определяют специфическое значение, в котором данное слово нужно понимать. Но нельзя никогда забывать, что, когда мы приступаем к интерпретации Слова Божия, то различие значений, обычно прилагаемых к этому слову, совершенно недопустимо, и, если его принять, то оно запятнает и исказит значение Божественного откровения. В Писании слово «Церковь» всегда имеет одно значение, и только одно: *собрание людей Божьих - община христиан*. Греческое слово *ecclesia*, в первоначальном и мирском значении означает собрание, созванное с какой-нибудь целью (Деяния 19:32); но в своем присвоенном и религиозном значении оно обозначает *общину христиан*, и непременно переводится как слово «Церковь». Проверьте Писание от начала до конца, и вы найдете, что у слова «Церковь» никогда не было другого смысла, кроме того, которое мы изложили. Пусть какой-нибудь человек, чувствуя себя расположенным поставить под сомнение это заявление, предъявит, если сможет, какое-то место из Слова Божия, где смысл был бы ослаблен, если слово «Церковь» заменить фразами «община христиан» или «собрание христиан». Мы убеждены, что это было бы невозможно.

Хотя значение слова «Церковь» в Писании всегда одно, нужно заметить, что оно используется по-разному. Оно используется, при желании автора, для обозначения любой общины христиан - какой бы большой или маленькой она ни была. Примеры этого факта не замедлят прийти на память всем, кто знаком со Словом Божьим. В пример приведем несколько мест из Писания:

Колоссянам 4:15: «Приветствуйте братьев в Лаодикии, и Нимфана, и домашнюю церковь его.» Здесь данное слово прилагается к такой маленькой *общине христиан*, что она смогла поместиться в частном жилом доме.

Деяния 11:22: «Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской.» Здесь оно обозначает *общину христиан*, проживающих в одном и том же городе, и насчитывающих, как нам известно из отличного авторитетного источника, несколько тысяч человек.

Деяния 7:38: «Это тот (Моисей), который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам.» Здесь данное слово обозначает такую большую *общину христиан* - собрание Божьего народа - которая включала в себя целую нацию, в то время числом состоящую по крайней мере из двух миллионов людей. Это слово также применяется к народу Божьему в дни Давида, когда, проживая в Ханаане, они распространились на большую территорию, и насчитывали многие миллионы. Евреям 2:12; сравни с Псалом 21:23-26.

1 Коринфянам 12:28: «И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.» Здесь термин означает *общину христиан*, проживающих на земле; так как именно среди них, а не среди святых в славе Бог поднял людей, одаренных дарами апостолов и пророков.

Ефесянам 5:25: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее.» Это слово употребляется здесь для того, чтобы обозначить *общину христиан* в наибольшем смысле: всех, за кого

умер Христос – целую семью Божью – всех святых на небе, и всех верующих на земле, рассматриваемых как одно огромное общество.

Однако, заметьте, что посреди всего этого разнообразия употреблений слово «Церковь» никогда не изменяет своего значения. Каждый раз, когда оно встречается, его значение остается одно. Как бы оно ни употреблялось, оно никогда не перестает обозначать *общину христиан*; но, была ли та община, которую вдохновенный писатель имеет в виду, большой или маленькой, общей или отдельной, - приходится узнавать не из слова, а из обстоятельств, в которых оно употребляется. В каждом случае нам нужно делать вывод - понимать общину христиан, подразумеваемую писателем, как коллективное общество народа Божьего на небе и на земле, или же только тех, кто на земле, в одной нации, в одном городе или в частном доме, - только из контекста, и никогда – из самого слова. Покойный выдающийся критик доказал, что привычка брать какую-то идею, выраженную одним контекстом, и считать, что та идея входит в значение какого-то отдельного слова, - в которую впадают иногда даже самые лучшие толкователи Писания – является источником тех многочисленных значений, ошеломляющих одним своим множеством, прикрепленных почти что к каждому слову в наших классических словарях, и изобилующей причиной заблуждений в толковании Слова Божьего. Явно, что именно это и привело многих к предположению, что слово «Церковь» имеет два значения: означая одно тогда, когда оно имеет в виду общую группу христиан, и другое - тогда, когда оно обозначает группу верующих, связанных с отдельной местностью. Правда заключается в том, что у слова «Церковь» только одно значение, но у него несколько применений. Сам термин никогда не выражает другой идеи, кроме общества христиан; контекст постоянно определяет его общее или особое применение. Поэтому явно ошибочно отстаивать, что какая-то идея, неизменно выражаемая контекстом, входит в значение слова; тогда как вне контекста данный термин, как все должны признать, не означает ни ограниченное, ни всеобщее применение.

Если бы у нас появился случай говорить об отдельных христианских собраниях области или нации в их отдельной функции, то назвать их *Церквами* той области было бы совершенно в согласии с выражением Писания. Никто не может забыть, как часто апостол говорит о церквах Сирии и Ахаии, Галатии и Азии. Так что, если бы нам понадобилось говорить об отдельных собраниях христиан в Ирландии – отдельных христианских общинах, рассеянных по стране – мы могли бы назвать их церквами Ирландии; и в существующем церковном употреблении слов нет ничего, что бы смогло сделать такое выражение либо неясным, либо допускающим возможность неправильного понимания. Но достойно замечания то, что, когда мы употребляем такие фразы, как: «Государственная Церковь Шотландии», «Епископальная Церковь Америки», или «Пресвитерианская Церковь Ирландии», то здесь совсем не существует отклонения от библейского смысла слова. Как мы уже рассмотрели, в Писании данное слово неизменно означает общину христиан, и именно это же оно обозначает в любой из выше приведенных фраз. В то же время контекст ограничивает христиан, о которых идет речь, к исповедующим определенные принципы и принадлежащим к определенной стране. Когда мы, например, используем такое название, как «Пресвитерианская Церковь Ирландии», то слово «Церковь» употребляется именно в библейском смысле для обозначения общины христиан, которая, как мы узнаем из контекста, исповедует пресвитерианские принципы и проживает в Ирландии.

Правильность использования данного термина для того, чтобы обозначить людей-христиан какой-то страны возникает не из того факта, что они всегда собраны в одном собрании, либо лично, либо – посредством представителей, а из-за того факта, что разум рассматривает их как коллективное общество. Все святые на небе и верующие на земле именуется церковью не потому, что они собраны то ли буквально, то ли образно, а потому, что, по мнению разума, они считаются великим обществом, отделенным от мира и объединенным общими принципами в единое великое братство. И таким образом христиане любого вероисповедания, хотя они составляют множество общин, могут, в своих совокупных способностях, по правильному именоваться церковью - не потому, что они то ли буквально, то ли образно собраны вместе, а потому, что с точки зрения разума они считаются коллективным обществом, отличающимся от других и объединенным между собой исповеданием общих убеждений.

Некогда существовали сомнения о том, есть ли в Писании пример того, когда слово «Церковь» употребляется в связи с христианами какой-либо *страны*. Наука Библейского Критицизма теперь навсегда дала ответ на этот вопрос. Деяния 9:31 правильно читается так: «*Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа, умножились*». Никакой человек, хотя бы немножко претендующий на образованность, теперь не может не решаться признать, что это – подлинная форма стиха, когда известно, что недавно обнаруженный манускрипт – Синайский Кодекс – поддерживает ее не меньше, чем А, В, С; эти четыре манускрипта являются самыми древними и ценными манускриптами Нового

Завета, дошедшими до нас*. Не говоря о доказательствах, извлекаемых из вариантов и Отцов, совместного голоса этих четырех манускриптов достаточно для того, чтобы определить правильную форму любого стиха; никто не может подвергать сомнению их свидетельство насчет оригинальной формулировки Деяний 9:31; и мы уверенно указываем на этот стих, как ясный образец применения слова «Церковь» к христианам определенной

страны, рассматриваемых как одно коллективное общество, хотя в реальности разделенное на многие отдельные конгрегации.

Некоторые авторы и в самом деле объясняют этот вопрос по-другому. Они говорят нам, что всемирное общество христиан на небе и на земле в Писании называется *Церковью* не потому, что христиане рассматриваются как одно великое братство, объединенное общими принципами, но потому, что они «во все времена поистине и должным образом собраны в Иисусе». Предполагать, что разум вообще когда-нибудь принимает такой факт во внимание, пользуясь данным термином в его всеобщем применении, всего-навсего – воображение; но если бы это было так, то оно не изменяет дела. Христиане определенного района, или области, или нации могут по тем же причинам правильно называться Церковью, потому что и они «во все времена поистине и должным образом собраны в Иисусе». Не существует понятия, в котором все христиане на небе и на земле являлись бы «собранными в Иисусе», но в котором христиане любой определенной страны не были бы так собраны. Если целое собрано, то так же собраны и части. Возьмите любой случай: если христиан района, или области, или королевства, разделяющих определенные принципы, рассматривать как коллективное общество, то они являются Церковью, точно в смысле Писания. Они – *общество христиан*.

*Существуют веские доказательства для убеждения, что эти манускрипты вовсе не так точны, как предполагает автор. Смотри, например: Пикеринг, «Подлинность текста Нового Завета», издатель Томас Нельсон, пересмотренное издание, 1980г.

РУКОВОДСТВО ЦЕРКВИ

Христианская община на земле, или же, как ее обычно называют – Церковь, - представлена в Писании как *царство*. Именно о Своей Церкви говорил Господь Иисус, когда сказал Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Иоанн 18:36). Тот факт, что она – царство, непременно подразумевает по крайней мере три вещи: во-первых – *царя* или правителя; во-вторых – *подданных*; в-третьих – *законы*. В Церкви, или Царстве Божьем, царем является *Христос*; подданные – *верующие*; а законы – это *Писание* истины.

Каждый царь имеет подчиненных ему слуг, которым вверено исполнение его законов, и которые имеют полномочия от монарха вершить справедливость и суд. Судьи и магистраты являются чиновниками определенного царства: они получают свои полномочия от монарха, которому служат, и приводят законы в силу среди всех чинов и классов людей. Отсюда происходит очень явное разделение царства на *правителей* и *подчиненных* – на тех, должностью которых есть отправлять закон, и на тех, кто обязан подчиняться ему.

То же самое разграничение существует в царстве Христа. Оно также состоит из руководителей и подчиненных – служителей, которым вверено отправлять законы, и людей, которым заповедано воздавать им повиновение. Это очень ясно из Евреям 13:17: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет». Из этого стиха ясно, что в Церкви есть люди, обязанность которых – управлять; они – служители Церкви. Не менее ясно, что в Церкви есть и другие, обязанность которых – повиноваться; они – рядовые члены – подчиненные царства – люди.

Но в каждом обществе, где признанная обязанность некоторых людей – иметь власть, а других – подчиняться, там должно быть так называемое *правительство*; потому что сущность всякого правительства заключается в такой власти, осуществляемой с одной стороны, и в таком подчинении, отдаваемом с другой. Если даже в Писании не было бы другого места, говорящего на данную тему, кроме процитированного последним, то все равно было бы неоспоримо то, что в Апостольской церкви было установлено руководство. Если существовало руководство, то должна была быть принята какая-то *форма* руководства; так как сказать, что в царстве Христа было установлено руководство без формы руководства – абсурдно. История повествует нам о многих церковных и политических чудесах, но из всех необычных вещей, которые наблюдались в мире или Церкви от начала времени, никогда еще не появлялось правление без формы правления. Это невозможно. Управление само по себе – это абстракция. В тот момент, когда оно выдвигает власть, оно становится реальностью – встает перед миром, как нечто видимое: оно принимает форму.

То, что в Апостольской церкви было управление, и что это управление существовало в определенной форме, кажется убедительно ясным. Определить точно, какой эта форма была, является вопросом великой важности – всем, наверное, ясно, что план церковного руководства, установленный апостолами Господними, действующими под водительством Святого Духа, непременно имеет в себе степень законности и авторитета, которые никакая человеческая система не сможет когда-либо предьявить, будь она сама по себе даже шедевром мудрости – освященным веками или рекомендованным практическими соображениями; и что каждая существующая форма церковного руководства настолько заслуживает уважения, насколько она в своих принципах согласуется с Божественным оригиналом. Но существуют очевидные причины, делающие точное установление системы церковного руководства, которая была учреждена в Новозаветной Церкви, вопросом немалой трудности.

(1) Апостолы, пишущие к христианам, которые сами были членами Апостольской церкви и, конечно, хорошо знакомы с ее организацией, не сочли нужным вдаваться в подробные описания христианской общины.

Было бы неестественно это делать. Время от времени они констатируют факты, имеющие отношение к церковному руководству, и косвенно намекают на принятые обычаи. Эти намеки и факты наводили на мысль и были достаточно понятны тем людям, к кому обращались первоначально, но нам, живущим в отдаленный от них век, в чужой стране и в совершенно другом обществе, их не так уж легко понять.

(2) Они даже не располагают те факты, какие имеют отношение к данному вопросу, в систематическом порядке. Если бы создание Библии находилось в руках человека, она была бы совершенно другой книгой; но поскольку эта деталь не была оставлена для нашего выбора, мы должны принять ее такой, какой она есть. Проследив, мы видим, что она не учит чему-либо в научном порядке. Даже нравственность и доктрины не расположены в регулярном устройстве, а подаются в отдельных отрывках, и наше прилежание поощряется в том, что нам приходится собирать разбросанные отрывки, сравнивать их друг с другом, и устраивать их по порядку для самих себя. Итак, церковный образ руководства не преподается в Писании систематически; но по всему широкому полю откровения лежат разбросанные факты, и намеки, и обстоятельства, которые мы должны разыскивать, проверять, объединять и классифицировать. Не все приходят к соглашению ни в классификации этих фактов, ни в выводах, законно истекающих из них, ни в способе созидания системы из разьединенного материала.

Из-за этого нам трудно выяснить с точностью, а еще труднее – с общим согласием, какая форма церковного руководства существовала в апостольские дни. Но, как бы оно ни казалось трудным, оказалось, что это вполне возможно посредством тщательного и непредубежденного исследования Писаний для того, чтобы обнаружить основные принципы, вошедшие в структуру древней Церкви. Мы говорим *основные принципы*: это значит, что не стоит рассчитывать найти больше них. Слово Божье, за исключением нескольких редких случаев, никогда не вдается в подробности – оно формулирует принципы. Это – весьма заметная особенность Божественного законодательства, которая заслуживает беглое замечание. В каждой цивилизованной стране можно заметить, как те, кому вверена должность правления, ставят своей целью предусмотреть закон для каждого отдельного случая. Человеческий законодатель переходит к деталям. Результат этого в нашей стране таков: общие и статутные права Англии такие громоздкие, что книги, в которых они записаны, составили бы собой великолепную библиотеку; каждый год Парламент заседает специально с той целью, чтобы создать новые законы и изменить старые, чтобы они подходили к вечно меняющимся условиям страны и времен; и, невзирая на все, каждый день в национальных судах встречаются случаи, в которых даже самые опытные юристы должны признаться, что существующие законы не решают ничего. Но заметьте, как Божественный закон действует совершенно другим методом. Он редко входит в особые детали, но излагает общие принципы, любого из которых совершенно достаточно для того, чтобы отвечать целому множеству случаев. Например, вместо того, чтобы пытаться указать каждую форму добра, которое каждому человеку надлежит делать для своего ближнего, он излагает принцип, вполне достаточный для того, чтобы удовлетворять всем требованиям: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Вместо перечисления различных путей, которыми дети должны исполнять обязанности, которыми они обязаны перед своими родителями, Писание утверждает такой общий закон, действительный в каждом случае: «Почитай отца твоего и мать твою». Уклоняясь от перечисления каждого вида греха, избегать которого было бы хорошо для христиан, уставы Господни указывают нам «Удерживаться от всякого рода зла». Человеческое законодательство вдается в мельчайшие подробности, а Божественное законодательство постановляет общие принципы. Результат таков: хотя, возможно, остается больше места для расхождения во мнениях в толковании и приложении введения в силу свода законов, созданного по второй системе, все же этот недостаток более чем уравновешивается тем фактом, что законы Божьи сами в себе совершенны; что они не изменяются с вечно изменяющимися обстоятельствами стран и времен; что они соответствуют каждому случаю, который только может возникнуть; и что они сжаты в умеренный объем, будучи все записаны в такой маленькой книге, что ее можно поднять рукой, или носить в кармане. Итак, Писание учит нас церковному руководству так же, как и нравственности. Оно не предоставляет мельчайшие подробности, но подает *основные принципы*, вошедшие в устрой Апостольской Церкви. Теперь нашей целью является выяснить, какие это были главные принципы.*

В обсуждении важной темы церковного руководства, авторы имеют общее обыкновение выбирать какую-то одну из наших современных церквей, которая оказывается их любимой, обрисовывать ее характерные черты, а потом переходить к доказательству, что они – копия примера, предоставленного в Слове Божьем. Мы можем с готовностью поверить, что этот план обладает некоторыми похвальными чертами, но не менее очевидно то, что он допускает серьезные возражения. Он, кажется, с самого начала допускает умозаключение, к которому рассуждающий может только надеяться провести нас после здравого процесса логики. Как-то это производит неизбежное впечатление, что сперва писатель устанавливает, что у него правильный взгляд на данную тему, а потом он переходит к Писанию искать доказательств этого. Автор может быть самым беспристрастным из людей и любить истину больше всех, но сам его план отдает предпочтение какой-то отдельной системе и, таким образом, с самого начала пробуждает предубеждения многих читателей. Кроме того, этот план предоставляет возможности рассмотрения стихов из Писания вне их связи, и склоняет автора к цитированию своих

излюбленных стихов, один звук которых – на их стороне. По этим причинам мы не избираем принятие данного метода в этот случай.

План действия, предлагаемый нами, более необычен, хотя, мы надеемся, он не менее удовлетворителен. Мы исследуем Священное Писание с той целью, чтобы установить из него различные факты, имеющие отношение к руководству Апостольской Церкви. Мы предоставим места из Писания, рассмотрим их в их непосредственной связи, раскроем их значение и попробуем, сможем ли мы, с их помощью, прийти к *великим принципам*. Потом мы обратимся к нашим современным церквам, рассмотрим различные формы церковного руководства, существующие в настоящее время в мире, и увидим, которая из них воплощает в жизнь все или большинство из этих принципов. Когда

*Этот абзац был внушен чтением проповеди д-ра Пейли на Римлянам 14:7.

мы сделаем это, то мы найдем вероисповедание, которое, в вопросе руководства, больше всех имеет право считаться *Апостольской Церковью*.

Этот процесс размышления так ясен и прост, что нет места обманывать ни себя, ни наших читателей. Самый низкий интеллект может до конца понять нашу логику. Перед тем, как мы придем к выводу, существуют два шага. *Во-первых*, мы должны установить из непогрешимого Слова Божьего, какими были основные принципы в руководстве церквей, основанных апостолами Господними; и, *во-вторых*, мы должны установить, в которой из наших современных церквей эти принципы наиболее полностью признаются и выполняются. Тогда для разрешения вопроса мы приложим аксиому, сияющую в свете своей ясности. Вот эта аксиома: *та современная церковь, которая в своем руководстве претворяет в действительность наибольшее количество апостольских принципов, в своем руководстве ближе всех подходит к Апостольской Церкви*.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Апостольские Принципы

По тщательному исследованию Писания мы находим в Апостольской церкви по крайней мере четыре разных вида служителей: (1) Апостолы; (2) Евангелисты; (3) Епископы (также называемые пасторами и учителями); (4) Дьяконы. Каждый из них имел право исполнять все служения, ниже по положению; но тот, кто занимал низшее положение, не имел права отправлять обязанности высшего поста. Таким образом, служение апостола включало все остальные; а епископ или старейшина имел право действовать как дьякон, при условии, что такие его действия не препятствовали должному исполнению лично его обязанностей. Дьякон, с другой стороны, не имел права осуществлять служение епископа; как и епископ не имел никакой власти принимать на себя обязанности апостола. Каждое высшее служение включало в себя все низшие по отношению к нему.

Два из этих служений – апостольское и служение евангелиста – были временными, необходимыми при начальном введении христианства, но их не было нужно сохранять навсегда. *Апостолы* были свидетелями воскресения Господа Иисуса, наделенные силой совершать чудеса и даровать Святого Духа через возложение своих рук, непогрешимыми толкователями Божественной воли и основателями христианской Церкви; и, послужив той цели, для которой они были посланы, они ушли из мира и, как апостолов, не оставили преемников. *Евангелистами* были миссионеры – люди, путешествовавшие из одного места в другое, проповедуя Евангелие, и которые действовали в качестве помощников и посланников апостолов в организации Церквей. Из них самыми видными примерами были Филипп, Тимофей и Тит. Следует заметить, в связи с этими временными или, как они обычно называются, необычными служителями, что область их деятельности не ограничивалась одной общиной, но простиралась на всю Церковь. Они были членами любой христианской общины, в границах которой проживали на время, но их миссионерская деятельность была для мира, а их власть простиралась на вселенскую Церковь.

Служения *епископа* и *дьякона*, с другой стороны, были предназначены быть увековеченными в Церкви. Епископы, или, как они более обычно называются, пресвитеры*, и пасторы, и учителя – были служителями, чьей обязанностью было научать Церковь и руководить ею. Дьяконы опекали преходящие дела, и им было поручено особое задание оказывать помощь бедным. Церковь никогда не может перестать нуждаться в этих двух служениях, пока ее члены имеют духовные и телесные нужды. Но нужно заметить, по отношению к епископам и дьяконам, что в основном они были конгрегационными служителями. Поле их деятельности не было таким широким, как поле деятельности апостолов, пророков и евангелистов, но лежало в основном внутри границ той определенной церкви или округа, трудиться в которых они были назначены.

Доктор Кампбелл так излагает особую необходимость и временных, и постоянных служителей, которая существовала в ранней Церкви: «Извлечь аллегорию из тленных вещей: завоевать королевство и стать его господином – одна вещь, а, завоевав его, править им так, чтобы сохранить приобретенное владение – другая. Одни и те же действующие силы и одни и те же практические соображения, строго говоря, не приспособлены к обоим. Для первой из этих целей в Церкви существовала группа необычных служителей, которые, подобно военным силам, предназначенным для завоевания, не могли быть прикреплены к определенному месту, пока какие-то провинции еще оставались не завоеванными. Их ответственность была, до некоторой степени, неограниченной, а их функции – без постоянного местопребывания. Для второй цели существовала группа обычных служителей или пасторов, равняющихся гражданским правителям, для которых было

* На данный момент это допускается; оно будет доказано позже.

необходимо распределить отдельные поручения или границы, которыми в основном должны были ограничиваться их служения, для того, чтобы научать людей, руководить общим богослужением и религиозными таинствами, и подавать им необходимую помощь для соразмерения их поведения. Без этой второй меры приобретения не смогли бы удержаться надолго. Наверное, произошло бы повторное всеобщее впадение в идолопоклонство и неверие. Полемисты обеих сторон признают это разделение служителей на необычные и обычные; и поэтому его нельзя справедливо считать введенным (что кое-когда случается с различиями) для того, чтобы послужить гипотезой». С этими предварительными замечаниями мы переходим к поискам –

ПЕРВОГО ПРИНЦИПА

Все служения в христианской Церкви берут свое начало от Господа Иисуса. Он Сам является Автором и воплощением всех их; Он – Апостол нашего исповедания; Он – Евангелист, проповедующий мир далеким и близким; Он – великий Пастор или Пастырь овцам – Епископ душ; и Он – Диакон или слуга, пришедший не для того, чтобы Ему служили, а чтобы послужить. Все служения в Церкви воплощены в Личности Христа.

Апостолы являлись единственными служителями, избранными в течении жизни Господа. Они получили свои назначения непосредственно от Него Самого. Они были призваны к труду служения Его голосом, и получили свое задание из Его рук. Симон и Андрей закидывали сети в море Галилейском когда Иисус проходил по берегу, но при Его призыве они оставили свои сети и последовали за Ним по миру. Сыновья Зеведеевы услышали Его голос и тотчас забыли и отца, и мать в своем стремлении стать ловцами человеков. Когда Христос сказал: «Следуй за Мною», -

* Лекции по Церковной Истории. Лекция 4, 3-е издание. Лондон, 1824г.

Левий покинул сбор пошлин и больше не был мытарем. Личный призыв Господа Иисуса был тогда, и все еще есть, первым и самым лучшим авторитетом для занятия поста в Церкви Божьей. Пусть только человек убедит нас, что он получил свое назначение прямо от Господа, как апостолы, – и нам больше ничего не нужно для того, чтобы побудить нас покориться ему.

Но после того, как Господь вознесся на небо, личный призыв, за исключением Павла, который родился извергом, не является пропуском ни для кого ни в служение, ни в апостольство. Живой голос Господа Иисуса больше никого не назначал на служение. Отшествие Учителя и пустое место, оставленное в списке апостолов через смерть Иуды, дало возможность привести в действие новый принцип. Первая глава Деяний Апостолов ставит перед нами весь случай. Давайте особенно проследим этот отрывок – Деяния 1:13-26, - чтобы полностью обладать фактами. Оказывается, что в промежутке времени между Вознесением и Днем Пятидесятницы ученики собирались для молитвы и прошения в одной горнице города Иерусалима. Присутствовали мать и братья Иисуса, а также – одиннадцать апостолов. Взятые вместе, они насчитывали сто двадцать человек. Петр поднялся и обратился с речью к собранию. Он напомнил им о незанятом месте среди апостолов. Иуда, предавший Учителя, был мертв, и пост, которого он лишился через свой грех, должен быть жалован другому. Он излагает необходимые качества того, кто должен стать преемником Иуды. Им должен быть тот, кто имел общение с одиннадцатью от начала служения Христа и до конца. Он формулирует обязанности нового апостола; он должен был быть свидетелем воскресения Христа вместе с остальными. Таким было дело, которое Петр поставил перед мужами и братьями, собравшимися в той горнице в Иерусалиме. Дальше мы читаем в 23 стихе: «*И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия*». Вследствие такого двойного выбора, стало необходимым решить, который должен считаться настоящим апостолом; что и было сделано путем бросания жребия после молитвы. Но нужно особенно заметить, что, хотя Петр объяснил необходимые качества и присущие данному служению обязанности, назначение человека не было возложено на Петра, а на

мужей и братьев, к кому было направлено обращение Петра. Далее нельзя забывать то, что служение, преемником которого стал Матфий, в 20-ом стихе называется *достоинством*, и то, как в 25-ом стихе сказано, что он должен «принять жребий сего *служения* и апостольства». Муже и братья, по наущению Петра, попользовались правом назначить человека к епископству – то есть, на служение епископа и на принятие участия в служении. В Апостольской церкви люди назначили Матфия служителем – епископом – апостолом. Случай, записанный в Деяниях 14:23, имеет тот же смысл, хотя, из-за неправильного перевода, его сила потеряна для читателя. Английский перевод Библии изображает двоих апостолов – Варнаву и Павла – *рукополагающими* пресвитеров к каждой церкви; тогда как правильное значение этого слова в оригинале есть: «избирать путем показания рук» – факт, который теперь признают даже самые лучшие толкователи*. Нельзя позволять, чтобы неправильный перевод лишил нас свидетельства Писания о важном факте – а именно, что в Новозаветной Церкви старейшины назначались на служение путем голосования на прямых выборах.

Дальше на рассмотрении будет шестая глава Деяний. В тот период, о котором говорит повествование в ней, ученики в Иерусалиме стали многочисленными. Греки начали жаловаться на иудеев, как они пренебрегают своими вдовами в ежедневном раздаянии потребностей. До сих пор за нуждами бедных ухаживали двенадцать; но в то же время их руки были заняты другим трудом, и не удивительно, что среди такого множества людей о некоторых забывали и, учитывая человеческую натуру, не сильно удивительно то, что некоторые роптали даже тогда, когда апостолы руководили этим делом. Что же теперь делать? Ясно, что было надобно разделить служения. Но должны ли апостолы сами предпринять выбор особ, на которых должна лечь обязанность ухаживать за материальными нуждами общины? Если бы они и сделали это, то вряд ли кто оспорил бы их право, или осмелился бы обвинить боговдохновенных людей в осуществлении деспотичной или произвольной власти. Но вместо

* См. Дин Алфорд об этом стихе.

того они приняли метод, необъяснимый для нас по любому иному принципу кроме того, что они нарочно уладили этот вопрос таким путем, который поведет Церковь в назначении служителей тогда, когда их самих не будет; и, таким образом, создаст прецедент для грядущих веков. Апостолы созвали множество людей и объяснили положение дел. Они сказали, что их уместное дело, как служителей, - Слово Божье. Они сказали, что им неблагоприятно оставлять духовную сферу для того, чтобы заботиться о физических нуждах; и они призвали братьев выбрать из среды себя семь человек доброго характера, одаренных мудростью и Духом Божиим, которых можно было бы поставить в руководство этой земной службой, и которые оставили бы апостолов свободными исполнять особо свои обязанности, а именно – молитву и служение Слова. «И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа исполненного веры и Духа Святого, и Филиппа, и Прохора и Никанора, и Тимона и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили пред Апостолами, и сии помолившись возложили на них руки» (Деяния 6:5-6). Эти семь мужчин, которых выбрало собрание в этот случай, были первыми *диаконами*. Хотя в Писании они не называются определенно так, признается почти что с всеобщим соглашением, что они были ими. Поэтому в Апостольской Церкви нижайших служителей избирал народ.

Следует, что здесь предоставлены три ясных факта, вполне достаточных для того, чтобы стать основой принципа. Первая глава Деяний дает нам пример того, как собранные муже и братья назначили на служение того, кто был и апостолом, и служителем. Четырнадцатая глава показывает, что старейшины общины выбирались общим голосованием. Шестая глава подает пример того, как целое множество учеников выбрало семь человек быть диаконами. На этих трех фактах, ясных и неопровержимых, мы основываем принцип *Прямых Выборов*. Мы находим, что совершенно невозможно уклониться от вывода, следующего из этих данных, а именно: в Апостольской церкви *служителей выбирал народ*.

ВТОРОЙ ПРИНЦИП

Есть категория служителей, о которой очень часто упоминается, что она существовала в ранней Церкви, и о которой мы, пока что, только слегка намекнули. Мы имеем в виду *старейшину* или *пресвитера*, как его часто называют. Этот служитель Церкви часто упоминается в Деяниях и Посланиях; но внимательный читатель непременно заметит, что ни одно место в Писании не говорит, что он занимает служение, отличающееся от *епископа*. Один и тот же стих никогда не говорит о епископах и пресвитерах. Когда Павел, например, пишет к Филиппийской Церкви (1:1), он упоминает епископов и диаконов, но ничего не говорит о старейшинах. Когда Иаков наставляет больных позвать пресвитеров Церкви (5:14), он ничего не говорит о епископах. Если служение епископа и старейшины были совершенно разные – если епископ был служителем, руководящим определенным числом старейшин, то не кажется ли странным, что никакое место из Писания не говорит одновременно о

епископах и старейшинах? Существует одно предположение, и только одно, которое может дать удовлетворительную причину этого факта. Если эти два слова являются всего лишь разными названиями одного и того же служения, тогда говорить о *епископах* и *старейшинах* было бы грубым нарушением правил языка, это было бы тавтологией, это было бы то же, что говорить о пресвитерах и старейшинах, или о епископах и епископах. Сочтение этих двух служений одним и тем же достаточно объясняет тот важный факт, что они никогда не упоминаются вместе в одном и том же месте из Слова Божьего; поскольку ясно, что если одного из данных слов было достаточно для указания нужного служителя, то не было нужно в то же время вводить и другое слово.

Все равно нужно что-то посильнее, чем одно лишь предположение, чтобы нам можно было бы говорить, что эти два слова были всего лишь разными названиями одного и того же лица. Как бы невероятно оно ни казалось, все равно возможно, что эти два – епископ и старейшина – были разными служителями, хотя одно и то же место никогда не говорит о них вместе. Это заставляет нас дальше обратиться к Писанию по поводу данного вопроса.

Первое место, представляющее перед нами – это Титу 1:5-7: «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности. Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец». Этот отрывок твердо подтверждает правильность уже сделанного предположения о том, что эти два служения являются одним и тем же. Оказывается, что Павел оставил Тита в Крите, чтобы поставить пресвитеров в каждом городе. Для руководства в исполнении этого задания апостол дальше излагает качества пресвитера. Никакой отдельный член Церкви не подходил к этому служению, если он не был человеком непорочной жизни, мужем одной жены, и не имел послушных детей; «ибо», - говорит он – «епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель». Доктор Кинг хорошо замечает из этого места, «что слово *пресвитер*, употребленное в начале, в конце заменяется словом *епископ*, в то время когда говорится об одном служителе. *Пресвитер* должен иметь такие-то и такие-то качества. Почему? А потому, что *епископ* должен быть непорочен, как Божий домостроитель. Не отождествляет ли это пресвитера с епископом? Если нет – то отождествление невозможно. Если сказать, что лорд-мэр Лондона должен целиком отдаться своим обязанностям, потому что у главы магистрата такого города огромные обязанности, то не допускают ли эти слова то, что лорд-мэр и глава магистрата занимают один и тот же пост? Иначе это заявление было бы абсурдно: зачем мэру посвящать себя своим обязанностям потому, что у кого-то другого великая ответственность? И все же, мэр не более отождествляется с главой магистрата в этом сравнении, чем пресвитер с епископом – в наставлении Павла к Титу»*. Каждому

* Кинг, «Объяснение и защита пресвитерианской формы церковного руководства», стр. 176-7, Эдинбург, 1853г.

непредубежденному человеку, несомненно, ясно, что апостол никогда бы не заявил, в основание для постановления на служение *пресвитера* только людей хорошего, нравственного характера, что *епископ* должен быть непорочен, если бы не подразумевал, что пресвитер и епископ – это только разные названия одного и того же поста. При любом другом предположении слова апостола были бы бессвязны и бессмысленны.

Снова, мы обращаемся к 2 Иоанна 1, и находим, как апостол Иоанн называет себя *пресвитером* – «Старец – избранной госпоже и детям ее, которых я люблю по истине». Дальше следует 1 Петра 5:1, и там мы находим, что апостол Петр называет себя *пресвитером* – «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых». То, что и Иоанн, и Петр были епископами, все признают; но эти места показывают, что они также были и пресвитерами. Это, однако, приводит нас всего на шаг к заключению. Правда, может быть, что каждый генерал является офицером, но отсюда не следует, что каждый офицер – это генерал. Епископ, как Иоанн и Петр, может быть старейшиной, но из этого не обязательно следует, что старейшина – это епископ. Это может быть так, но нам нужно больше доказательства перед тем, как мы сможем прийти к такому заключению. Его мы имеем в такой полноте, в какой можно только пожелать в Деяниях 20:17-28. Там мы читаем, как Павел послал за пресвитерами Ефесской церкви, чтобы они встретились с ним в Милите. Он говорил о своем служении в их городе, где великая тема его проповеди – покаяние пред Богом и вера в Господа Иисуса Христа. Он предвестил скорби, ожидающие его в Иерусалиме и в других местах, и опечалил их сердца, сказав им, что они больше не увидят его лица. Также он предупредил их внимать себе и стаду, в котором Дух Святой поставил их *блюстителями* – то есть, *епископами*, как это слово переводится в других местах. Каждый читатель, знакомый с оригиналом, знает, что слово, переведенное в Деяниях 20:28 как *блюстители* – это то же самое слово, которое в Филиппийцам 1:1 переведено как *епископы*, так что здесь у нас имеется доказательство вдохновения, что пресвитеры Ефесские были епископами по постановлению Святого Духа. Это делает ход рассуждения сильным и убедительным. Епископы, как мы увидели, были пресвитерами, а пресвитеры, как мы теперь видим, были епископами. Это проводит нас к принципу – а именно, что, в *Апостольской церкви служения епископа и пресвитера были идентичны*. Пресвитер не был ниже епископа, а епископ не был выше пресвитера. Один и тот же служитель, был известен под такими разными именами.

Мы не расположены придавать много ценности взглядам такого человека, как Эдуард Гиббон, на любой вопрос доктрины или нравственности, но этот известный историк имел способность пытаться разрешить вопрос факта, и к нему можно прислушаться, как к человеку, который, не будучи расположен в сторону какой бы то ни было религиозной системы, находился в позиции беспристрастно судить в вопросе такого рода. Говоря о руководстве и управлении Церковью прежде Никейского Собора, он говорит: «Общественные функции религии были вверены исключительно признанным служителям Церкви – епископам и пресвитерам; *два названия, которые, в своем начальном происхождении, кажется, различали один и тот же пост, и один и тот же самый слой людей.* Название пресвитера выражало их век, а точнее – их серьезность и мудрость. Титул епископа обозначал их надзор над верой и поведением христиан, которые были вручены их пасторской заботе»*.

ТРЕТИЙ ПРИНЦИП

Нельзя забывать, что мы уже определили, что епископ и пресвитер являлись, *в своем начальном происхождении*, всего лишь разными названиями одного и того же церковнослужителя. В Писании было найдено достаточно доказательства, чтобы удовлетворить нас в том, что в Апостольской Церкви епископы были старейшинами, а старейшины – епископами. Поэтому нам позволено считать этот факт полностью доказанным, в то время

* *История упадка и падения Римской империи*, глава 15.

когда мы переходим к поискам третьего принципа. Четырнадцатая глава Деяний описывает миссионерское путешествие Павла и Варнавы. В Иконии произошла попытка побить их камнями, но они удалились в Листру и Дервию. Когда в Ликаонии Павел сделал так, что калека вскочил и начал ходить, то жрец Зевса привел к воротам волов и принес венки, и было очень трудно удержать людей, в своем языческом невежестве пытающихся оказать божественное почтение двум проповедникам. Но так непостоянны чувства толпы народа, что, вскоре после этого, великого апостола побили камнями чуть не до смерти на том же самом месте, где ему чуть ли не поклонились, как богу. Еле-еле унеся ноги, Павел и его товарищ еще раз посетили Дервию, и Листру, и Иконию, и Антиохию, проповедуя Евангелие, утверждая души учеников и увещавая их пребывать в вере. И священный историк, повествуя об этом евангелизационном путешествии, осведомляет нас о том важном факте, что *они назначили старейшин в каждой церкви.* Вот его слова: «Выбрав для них, посредством голосования, старейшин в каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали» (Деяния 14:23)*. Мы уже видели, что в Писании «Церковь» обозначает любое собрание христиан, каким бы большим или малым оно ни было. Древнехристианским обычаем было называть верующих, проживающих в любом, каком бы то ни было большом городе, или в любой деревне, какой бы она ни была малой, - церковью того места. Много этих общин, собранных из среды язычников первопроходцами христианства, организованных вопреки трудностям и сокращенных в числе угрозами, наверняка были слабыми в вопросе численности. Все же, два апостола не удовлетворились назначением одного пресвитера или епископа в каждой общине, хотя и малой числом; но, как нас научает Святой Дух, они назначили *старейшин в каждой церкви.* Значит, если евангелист Лука, говоря, будучи движим Святым Духом, есть верным свидетелем, то в каждой общине Апостольской церкви было больше одного старейшины. А сколько – два ли, три, или больше – нам не сказано, но ясно, что в каждой церкви была

* См. Первый Принцип об этом стихе.
многочисленность старейшин.

Еще раз мы переходим к двадцатой главе Деяний. Здесь Павел изображен путешествующим из Греции по пути в Иерусалим. Остановившись на неделю в Троаде, он отбыл дальше – иногда по морю, а иногда – по суше, стараясь добраться до Иудейской столицы до Пятидесятницы. Зайдя в Мелит – морской порт Ионии – тридцать шесть миль на юг от Ефеса, он послал сообщение в этот город для старейшин церкви. Богодухновенные слова таковы: «Из Мелита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви» (Деяния 20:17). Из этого явствует, что в церкви в Ефесе был не только один пресвитер, а больше, и мы уже видели, что в стихе 28 ее пресвитеры называются епископами. Если слова вообще что-то значат, а заявления Писания не так непонятны, как страницы Сибила, в Ефесской церкви была *многочисленность пресвитеров или епископов.*

Еще дальше. Филиппы был город в пределах древней Фракии. Читателю-классику он известен как место, в котором Август и Антоний в решительном сражении вырвали у Брута и Кассия империю мира; для христианина этот город замечателен тем, что он был первым местом в Европе, где развернулось знамя Креста, и где грешники услышали Евангелие Иисуса. Там открылось сердце торговщицы багряницею, чтобы внимать сказанному

Павлом. Именно там, за изгнание духа прорицания из прорицательницы, Павел и Сила были избиты воеводами, а ноги их были забиты в колоды. Именно там, в глухой час ночи, когда затряслось основание темницы и каждая дверь открылась настежь, а у каждого человека пали с рук цепи, - темничный страж задал двоим своим заключенным самый важный вопрос, когда-либо заданный служителю Божьему грешником: «Государи, что мне делать, чтобы спастись?». В этом городе – Филиппах – была организована церковь, несмотря на решительное противодействие; и, спустя десять или двенадцать лет после первого посещения Павла, он посчитал правильным обратиться к этой церкви с посланием. Это послание сохранилось. Оно находит место в Слове Божьем. Оно известно нам как Послание к Филиппийцам. Любопытно почитать, что апостол почел хорошим написать церкви, в главе списка членов которой стояли имена Лидии и темничного стража. Как можно и ожидать, оно до краев полно драгоценных и утешительных истин; но, что больше касается нашей цели в данный момент – мы находим такие слова в первом стихе первой главы: «Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами». Город Филиппы был, несомненно, большим городом; но, в вопросе населения и важности ему было так далеко до таких городов, как Дублин или Ливерпуль, как приходу до епархии. И все же, в современные времена, одного епископа считается достаточно даже для Лондона, где людей, называющих себя христианами, насчитываются миллионы, в то время когда одна христианская община, собранная из среды языческого населения, существующая, как церковь, всего лишь десять или двенадцать лет, подверженная оскорблениям и страданию ради Христа и находящаяся в презренном городке на окраине Македонии, имела *многочисленность епископов*. Павел, в послании к той церкви, адресует свое послание *епископам* и диаконам.

Пусть искренний читатель снова взглянет на тему, которую мы покрыли. Он видит, что Павел, когда он писал свое послание церкви в Филиппах, адресовал его *епископам*. Он видит, что в церкви в Ефесе были *пресвитеры*, когда Павел послал за ними прийти в Мелит. Он находит, что сказано, что Варнава и Павел поставили *пресвитеров к каждой церкви*. Как же возможно для него воздержаться от заключения, что, в апостольские дни, в каждой общине существовала *многочисленность пресвитеров*, или же – *многочисленность епископов* (как мы увидели, это – одно и то же)? Это приводит нас к третьему принципу апостольского руководства – что *в каждой церкви была многочисленность старейшин*.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП

Рукоположение – это торжественное назначение особы на церковное служение с возложением рук. Каждый постоянный служитель в Церкви - то ли епископ, то ли диакон - торжественно выделялся на служение через акт рукоположения. В своей внешней форме оно состояло из трех вещей: поста, молитвы и возложения рук. Возложение рук применялось, когда наделялись духовные дары (Деяния 8:17; 19:6); также оно употреблялось, когда чудодейственно исцелялись больные (Марк 16:18; Деяния 9:17; 28:8). Но, отдельно от всех таких случаев, возложение рук употреблялось при назначении на служение служителей Церкви и тогда, когда не наделялись никакие чрезвычайные или чудотворные дары (Деяния 6:6; 13:1-3; и 1 Тимофею 4:14; 5:22). Прекращение чудотворных сил, поэтому, не может быть действительной причиной для того, чтобы, при назначении на служение, этот обычай нужно было оставить; в таких случаях возложение рук никогда не было путем надления Святым Духом, а только формой введения в церковнослужение.

Важный вопрос относительно рукоположения – это: является ли оно актом одного человека или больше, одного пресвитера или многих пресвитеров, епископа или пресвитерии? Никто не оспаривает то, что Господь Иисус может по-особому призвать любого работника, и послать его трудиться в Его виноградник. Также вряд ли могут быть сомнения о том, что, все еще будь на земле некий вдохновленный Богом апостол, то он имел бы право рукополагать в одиночку, если бы он это счел правильным. Нет, если бы какой-то современный евангелист смог показать, как Тит, что его оставил за собой апостол с этой особой целью, то и он, на основании права, данного ему высшей силой, имел бы привилегию рукополагать (Титу 1:5). Поэтому всякому человеку, претендующему на право делать все, что делал евангелист, придется показать, что, если он не апостол, то обладает, как Тит, авторитетом, переданным ему апостолом. Но, безусловно, этого не сумеет ни один руководитель ни одной церкви. Поэтому нам остается только исследовать Писание и найти, кто именно, в отсутствии апостолов или особ, уполномоченных апостолами, имел привилегию торжественно выделять других на церковнослужение, а особенно – установить, был ли один человек облечен этой властью, или больше.

Сначала мы обратимся к 1 Тимофею 4:14. Здесь перед нами - рукоположение Тимофея. Апостол призывает своего сына по вере с большой целеустремленностью пользоваться дарованием служения, данным ему. Он объявляет, что это дарование было дано по пророчеству – то есть, вследствие определенных намеков пророков,

которых было немало в тот век духовных даров, выделяя его как того, кто станет выдающимся служителем. Он прибавляет, что это дарование было дано *с возложением рук священства* – то есть, пресвитеров или старейшин в коллективном качестве. Слова апостола такие: «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству *с возложением рук священства*». Эти слова не оставляют сомнений о том, кто облечен властью рукополагать.

Снова обратимся к Деяниям 13:1-3. Оказывается, что в Антиохийской церкви были некоторые пророки и учителя, имена которых здесь записаны. Они служили Господу и постились; и, пока они занимались этим, Святой Дух внушил им, чтобы выделить Варнаву и Савла на миссионерский труд среди язычников. Оба они прежде проповедовали Евангелие; но теперь им предстояло войти в новую сферу и заняться новым отделом работы. Поэтому было правильно, чтобы пророки и учителя торжественно отделили двух братьев на миссионерский труд актом рукоположения. Мы читаем, соответственно, в стихе 3, что «тогда *они*, совершивши пост и молитву и *возложивши на них руки*, отпустили их». Действие рукоположения здесь, очевидно, был делом не одного учителя, а нескольких. В этом приняла участие многочисленность.

Другой пример того, как многочисленность руководителей церкви приняла участие в этой церемонии, записан в Деяниях 6:6. Здесь у нас имеется рукоположение диаконов. Церковь в Иерусалиме избрала семь человек, чтобы заботиться о нуждах бедных, «их поставили пред Апостолами; и *сии* помолившись *возложили на них руки*». Это особенно ценно, так как оно доказывает, что, когда было удобно или осуществимо, чтобы многочисленность руководителей приняла участие в действии рукоположения, сами апостолы предпочитали такой ход действий.

Снова взгляните на предмет, который мы уже прошли. Исполнять действие рукоположения одному было обыкновением апостола или человека, непосредственно назначенного апостолом для этой специфической цели. Но они не рукополагали в одиночку там, где для них была возможность присоединить еще кого-то. Где можно было как раз вовлечь многочисленность, как в случае диаконов, - обычно в церемонии принимало участие больше одного человека. В отсутствии апостолов - как мы уже видели в случае Савла и Варнавы - рукоположение было действием определенных пророков и учителей; а, в случае Тимофея – оно было актом пресвитерии. Это приводит нас к нашему четвертому принципу, а именно – что *в Апостольской Церкви рукоположение было действием пресвитерии* – многочисленности старейшин.

ПЯТЫЙ ПРИНЦИП

Пятнадцатая глава Деяний слишком большая, чтобы ее здесь переписывать. Но перед тем, как следовать дальше, пусть читатель откроет Библию и внимательно прочитает эту главу от начала до конца. Если он по-настоящему ищет истину, и расположен принять ее в ее простоте, внимательное чтение этой главы удовлетворит его в том, что там содержатся следующие факты:

Очевидно, некие люди пришли из Иудеи в Антиохию, и научали тамошнюю церковь, что обрезание необходимо для спасения. Павел и Варнава принялись противостоять этим учителям, но напрасно. Тогда было принято соглашение, чтобы некоторые из Антиохийской церкви, включая в свое число Варнаву и Павла, отправились в Иерусалим и изложили положение дел перед апостолами и старейшинами. Когда они достигли Иерусалима – в то время столицы христианства – апостолы и старейшины сошлись вместе, чтобы рассмотреть этот вопрос. Сначала в собрании было значительное расхождение во взглядах. Наконец Петр поднялся говорить. Он напомнил им, какой честью Бог наделил его, соделав его орудием первой проповеди Евангелия язычникам, и как Бог соблаговолит, невзирая на лица, даровать Святого Духа им так же, как и верующим-иудеям. Поэтому, доказывает он, сделать обрезание необходимым для спасения – возложить на язычников иго, которого даже Иудеи не смогли понести – было бы искушением Бога; и он завершает провозглашением великой истины о том, что как иудеи, так и язычники получают спасение благодатию Господа нашего Иисуса Христа. После него повели речь Варнава и Павел, рассказывая, что и чрез них Бог сотворил чудеса и знамения среди язычников. Дальше Иаков высказал свое мнение. Он доказал, что истина, провозглашенная Петром, а именно – что Бог избрал из язычников народ во имя Свое – является темой древнего пророчества. Он цитирует пророка Амоса, чтобы доказать, как Бог пообещал воссоздать скинию Давидову, павшую в разрушение, чтобы остаток человек и язычников, нареченных Его именем, взыскали Господа. В заключение он высказывает свое мнение, что уже обращенных к Богу язычников не следует затруднять никаким излишним бременем, но чтобы их наставить воздерживаться от осквернений идольских, и от блуда, и от удушения и крови. Мнение Иакова было одобрено собранием. Апостолы и старейшины, вместе со всей церковью, согласились послать Иуду и Силу в Антиохию вместе с Варнавою и Павлом для того, чтобы объявить результат. Решение собрания было воплощено в письма, написанные от имени апостолов, пресвитеров и братьев, и адресованные христианам из язычников в Антиохии,

Сирии и Киликии. Это послание обвиняло тех, кто учил, что обрезание необходимо для спасения, в смущении братьев и поколебании их душ; отвергало, что они имели полномочие так научать от апостолов и пресвитеров; упомянуло, что Иуде с Силой дана власть, вместе с Варнавой и Павлом – человеками, рискующими своей жизнью ради имени Господа Иисуса – словесно изъяснить решение собрания; и утвердило, что Святому Духу и им было угодно не налагать на обращенных из язычников никакого бремени, кроме воздержания от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда. Таким было содержание послания, понесенного в Антиохию посланцами из собрания в Иерусалиме. Множество людей собрались, чтобы услышать его; оно было вручено и прочитано, и люди радовались об утешении. Иуда и Сила добавили свои наставления, и братья утвердились в вере. Вскоре после этого Павел, не поладив в чем-то с Варнавой, избрал себе Силу спутником и отправился в другое миссионерское путешествие, целью которого было посетить обращенных в каждом городе, где он проповедал Слово Божье, и увидеть, как они живут. Бывши поручены благодати Божьей братьями, Павел и Сила отправились из Антиохии и прошли Сирию и Киликию, утверждая церкви. На этот раз он навестил Дервию, Листру и другие города Малой Азии и, проходя по городам, они предавали им определения для соблюдения, постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме (Деяния 16:4).

Каждый искренний человек обязательно признает, что это – честное изображение всех фактов, имеющих отношение к данной теме, как они предстают перед нами в пятнадцатой и шестнадцатой главах Деяний. Пусть будет замечено, что в этом простом повествовании заметно выступают следующие факты:

- (1) Варнава и Павел состязались об обрезании с некоторыми лжеучителями, пришедшими из Иудеи;
- (2) Это состязание не было уложено в Антиохийской церкви, где оно возникло;
- (3) Вопрос был передан внешнему церковному собранию, состоящему из апостолов и пресвитеров в Иерусалиме;
- (4) Это собрание собралось открыто для того, чтобы обдумать данный вопрос;
- (5) Они вынесли решение;
- (6) Этому решению покорились Антиохийская церковь и церкви Сирии и Киликии.

Эти факты очевидны в рассказе, и их нельзя не признать. То, что им было позволено произойти, и что запись их включена в Священное Писание, кажется странным, если они не произошли для того, чтобы послужить примером для нас. Если бы для Антиохийской Церкви было достаточно удостовериться в мнении Бога о спорном вопросе, то Павел, находясь там, мог бы провозгласить его с непогрешимой точностью; ибо он не только говорил, будучи движим Святым Духом, но и часто разрешал равно важные вопросы словом уст своих или размахом своего пера. Единственное предложение того самого апостола, который в то время находился в Антиохии, Церковь Божья считает решающим в любом вопросе христианской веры или христианского долга; так что, если бы потребовалось одно непогрешимое решение, то непонятно, почему вопрос продвинулся дальше. А когда данный вопрос достиг Иерусалима, то если бы жалоба была только для вдохновенных людей, то неясно, для чего пресвитерам понадобилось собираться с апостолами, чтобы рассудить этот вопрос? Ведь апостолы были вполне способны провозгласить Божье мнение без помощи не вдохновенных людей. Если кроме провозглашения непогрешимого постановления апостолами больше ничего не было нужно, то для чего было в собрании рассуждение, или даже подобие обсуждения, или же зачем одному апостолу за другим высказывать свое мнение? Мы бы сочли вполне достаточным провозглашение одного боговдохновенного человека. Если бы спор, восставший в собрании, произошел только между пресвитерами, то как же неразумно со стороны пресвитеров спорить о том, что предстояло разрешить богодухновенно, и к чему им, не вдохновленным Богом людям, не могло быть никакого отношения, кроме слушания голоса Божьего? И зачем апостолы разрешили им рассуждать, когда одно слово от непогрешимых толкователей Божьей воли могло решить вопрос? А когда было написано постановление, то для чего оно было от имени апостолов и *пресвитеров*, находящихся в Иерусалиме? Удовлетворительно объяснить это можно одним путем и, насколько мы понимаем, – только одним. Этим событиям было дозволено произойти, и они записаны для нашего ведения во всех подобных обстоятельствах. Если возникает какое-то несогласие, которое невозможно уладить в рамках того собрания, где оно возникает, его надобно передать на разрешение руководителям Церкви в их собранном качестве. Если бы апостолы все еще были живы на земле, чтобы собираться с пресвитерами, и, с помощью вдохновения, проводить их к непогрешимому решению, и если бы нам пришлось передать свои расхождения на рассмотрение такому собранию, то это было бы буквальное послушание примеру, поставленному перед нами в Божьем Слове. Но когда, в их личном отсутствии, мы передаем свои расхождения на рассмотрение собранию пресвитеров, и когда пресвитеры, водимые богодухновенными письменами апостолов, содержащимися в Писании, объявляют решение вопроса, и когда мы проявляем послушание в Господе такому решению, то это – не просто действие в духе апостольского примера; это – действие во всем, кроме формы его.

Таким образом мы подходим к двойному факту о том, что в Апостольской Церкви существовала привилегия передавать спорные вопросы на решение собрания живых людей, находящихся вне той общины, где такой спор возник, и состоящего из руководителей церкви; и о том, что это церковное собрание, состоящее в отсутствии апостолов просто из руководителей церкви, имеет право собираться, обдумывать, решать и требовать

повиновения своим решениям в Господе. Этот двойной принцип мы именуем *привилегией обращения к собранию пресвитеров, и правом руководства, которым они пользуются в своей собранной функции.*

Вряд ли нужно было бы сказать хотя бы словечко о присутствии *братьев* в собрании Иерусалимском, если бы некоторые люди не сделали данный факт основанием особой придирки. Поскольку они упоминаются отдельно от апостолов и пресвитеров, нам кажется ясным, что «братьями» наверняка были рядовые члены церкви, или же, как они бы назывались в нынешние времена – миряне. То, что они присутствовали в собрании, что они были согласны с решением, и что письмо, посланное в Антиохию, было написано от их имени, как и от имени апостолов и пресвитеров, по нашему мнению – неопровержимые факты, очевидные с первого взгляда на историю. Но перед нами не будет всех фактов дела, если мы не заметим, что:

- (1) Первоначальная передача на рассмотрение из Антиохии была не братьям, а апостолам и пресвитерам (стих 2);
- (2) Не сказано, что братья собрались для обсуждения дела, а что «апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела» (стих 6);
- (3) Мы не читаем, что кто-то из братьев высказывался на поданную тему, а что они «умолкли», в то время как другие говорили (стих 12);
- (4) Не сказано, что определения были постановлены братьями, а «апостолами и пресвитерами в Иерусалиме».

Непредубежденный читатель заметит, что рядовые члены церкви, здесь именующиеся «братьями», не постановляли определения, и не выступали на собрании, и не собирались для обсуждения, и не им была принесена жалоба с Антиохии. А с другой стороны он заметит, что они присутствовали на собрании, что они действовали сообща в решении и что, поскольку было важно показать, что мнение всех христиан в Иерусалиме о данном вопросе было единодушно, то письмо, включающее решение было написано как от имени апостолов и пресвитеров, так и от их имени. Из мотивов вежливости и с целью христианского приветствия показывается, что Силуан и Тимофей присоединяются к Павлу в его первом послании к Фессалоникийцам, но это не подразумевает, что Силуан и Тимофей были вдохновленные Богом, и намного меньше – то, что они соучаствовали в авторстве послания. Таким же самым образом и письмо, адресованное язычникам из Антиохии, Сирии и Киликии являлось письмом апостолов и пресвитеров, а имя братьев было прибавлено не для того, чтобы показать, что они принимали участие в его сочинении, а что они соглашались с его изречениями. Поэтому людям, желающим убедить нас, что рядовые христиане в Апостольской Церкви не только присутствовали на собраниях руководителей церкви в качестве слушателей, но также участвовали в рассуждениях и действовали в качестве членов церковных судов, имеющих право голоса, придется предъявить что-то намного определеннее на эту тему, чем пятнадцатая глава Деяний. Нам кажется ясным, что апостолы и пресвитеры собирались, рассуждали и постановляли; братья присутствовали, слушали и соглашались. Апостолы и пресвитеры были, так сказать, членами суда; братья – только слушателями, выражающими свое согласие с решениями руководителей.

Наш пятый принцип, поэтому, можно резюмировать такими словами: *привилегия подавать жалобы собранию пресвитеров и право руководства, которым они пользуются в их корпоративном характере.*

ШЕСТОЙ ПРИНЦИП

Отличительной чертой апостольского руководства является то, что церковные руководители не воздавали духовного послушания никакому земному властелину, и никакому церковному начальнику. Павел редко открывает любое из своих посланий, не напоминая читателям, что он держит свое апостольство по воле Божьей, а не по милости человеческой. Возьмите, например, Галатам 1:1: «Павел Апостол, избранный не человеками и не чрез человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых» и т.д. В картине апостольских времен, изображенной в Новом Завете, мы не можем найти примера, когда Церковь признает духовную власть любого земного монарха, или когда она соглашается отказаться от части своей религиозной свободы в пользу какой бы то ни было временной выгоды. В Евангелии мы не находим никакого предусмотрения для главенства короля-христианина, а еще менее – язычника в делах Божьих. Закон Писания гласит: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Марк 12:17). Во всех земных делах члены Апостольской церкви считали своей обязанностью воздавать послушание гражданским правителям страны, в которой они жили; во всех духовных вопросах они отдавали должное высшей власти. В земных вопросах апостол подчинялся законам земли, как они отправлялись магистратом деревни; в духовных вопросах он не склонялся перед кесарем на троне.

Сказать, что нам напрасно искать такого примера в Писании, не изменяет дела, вследствие того факта, что в ранний век ни один земной князь не был обращен в христианство, а потому никто не был в положении даровать церковное покровительство и служить кладезем духовной силы. Но Бог не ограничен недостатком орудий. Та же благодать, которая покорила Савла из Тарса во время, когда он дышал убийством на святых Господних, смогла бы обратить Пилата, или Агриппу, или Цезаря в Риме. Будь этот пример полезен, то Бог не испытал бы недостатка в необходимых средствах для снабжения такого примера. Тот самый факт, что в апостольские дни Бог не взял какого-то князя-язычника и не сделал его христианином для того, чтобы он занял пост временного главы Церкви на земле, сам по себе является поучительным – преисполненный поучением. И заметьте, что Писание не включает условий для такого события в будущем. В нем нет никакого принципа, уполномочивающего какого-то князя либо претендовать, либо осуществлять власть в церковных вопросах тогда, когда в ходе веков появится властелин-христианин. Если такой принцип и существует, то нам он неизвестен; и, безусловно, на людей, одобряющих такое приспособление возлагается обязанность доказать из Писания, если смогут, свое основание для утверждения, что король-христианин имеет право главенствовать над Церковью в духовных вопросах. Пока это не сделается, нас должны извинить за убеждение, что никакой земной князь не имеет права действовать в качестве господина над наследием Божиим.

Также верховная власть не была отдана в руки любого служителя в Церкви, каким бы известным он ни был своими дарованиями, страданиями, или же своими обильными трудами. Правда, рядовым членам было заповедано повиноваться руководителям и пресвитерам Церкви; но пресвитерам, с их стороны, было повелено не господствовать над наследием Божиим, но быть в пример стаду (1 Петра 5:3). Даже апостолы не претендовали на власть над верой людей, но только желали быть споспешниками их радости (2 Коринфянам 1:24). И между этими апостолами не видно, чтобы любому из них было отдано превосходство. Петр – единственный, кому, позднее, когда-либо приписывалось официальное верховенство; но сам он никогда не претендовал на него для себя; он всегда действовал со своими со апостолами как простой проповедник Христова креста; в Писании он никогда не представляется назначающим на церковное служение или как-то по-особому контролирующим низших служителей в Церкви. В одном известном случае, когда он проявил некую увертку, нам сказано о другом апостоле, который лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию (Галатам 2:11). Поэтому Писание не предоставляет никакого основания для убеждения, что верховная духовная власть отдана любому церковнослужителю в большей мере, чем любому земному князю.

В этом, как и во всех других религиозных вопросах, Писание должно быть нашим проводником. Обратимся к следующим местам, и мы найдем, где сокрыт источник всякой духовной власти:

Ефесянам 1:20-23: «Которою Он (Бог) воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства и власти, и силы и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем.»

Ефесянам 5:23: «Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.»

Колоссянам 1:18: «И Он (Христос) есть глава тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство.»

Места, только что процитированные, взяты из Священного Писания – единственного критерия христианской веры и послушания. Мы внимательно поразмыслили над ними, и они привели нас к заключению, что *единоличное главенство Христа над Церковью* было учением апостольских дней. Что голова – для человеческого тела, то Христос – для Церкви; и как у тела не может быть двух голов, так и у Церкви не может быть двух голов – ни Христос с папой, ни Христос с монархом. Мы считаем, что в этом вопросе нет среднего пути. Или мы должны отрицать авторитет Библии, или верить в то, что она учит, а именно – что *для Церкви Христос – глава над всем*. Мы избираем последнее. *Главенство Христа* – это шестой принцип руководства, который мы находим в действии в апостольские дни. Давайте заметим результат этого принципа: поскольку Христос – это Глава Церкви, то члены Церкви должны подчиняться Ему; и, так как у нас нет иного пути установления желания Христа, кроме как через Писание, то следует, что делами Церкви должны управлять те служители, которым Господь вверил эту власть, и их нужно упорядочивать согласно желанию Бога, как оно выражено в Его Слове, без вмешательства любой внешней власти.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Применение Проверки

Пусть читатель серьезно поразмыслит над доказательствами, приведенными в предыдущей главе, и мы думаем, что Божественный авторитет лежит на словах о том, что принципы, осуществлением которых являются следующие факты, практически применялись в Апостольской церкви:

- (1) Служителей выбирали люди.
- (2) Служение епископа и пресвитера было идентично.
- (3) В каждой Церкви существовала многочисленность пресвитеров.
- (4) Рукоположение было действием пресвитерии – то есть, многочисленности пресвитеров.
- (5) Существовала привилегия обращаться с жалобой к собранию пресвитеров; и власть руководства осуществлялась ими в их объединенном качестве.
- (6) Единственным Главой Церкви являлся Господь Иисус Христос.

Принципы, содержащиеся в этих шести фактах, покрывают целую платформу церковного руководства; каждый из них важностью возвышается над предшествующим ему, в возрастающем ряде – от Народного Избрания до Главенства Господа. К ним нас не привел какой-то процесс надуманной логики, а принятие Писания так, как по нашему мнению его должно принимать каждое дитя Божье, кроме как в наличие явных и хороших причин к противоположному – в прямом, простом и естественном смысле. Самый неграмотный читатель, если он только беспристрастен и честен, не может исследовать те места из Писания, которые мы указали, и не увидеть, что все эти шесть великих принципов были реализованы в руководстве Апостольской церкви. Но реализовались ли они в тех формах церковного руководства, которые в данное время существуют в мире – это другой и весьма важный вопрос; вопрос, ответом на который мы сейчас займемся. Потому мы переходим к проверке существующих систем по порядку по апостольскому стандарту.

ПРЕЛАТСТВО

Как уже было разъяснено, Прелатство – это та система церковного руководства, которая отправляется архиереями, епископами, священниками, настоятелями, дьяконами и другими служителями. Примером его служат римско-католическая церковь и англиканская церковь - обе они в своем руководстве являются прелатскими; разница между ними заключается в том, что прелатство Рима облакает церковным превосходством папу, тогда как прелатство Англии облакает им царствующего монарха. За исключением этого, обе эти церкви, как бы широко они ни расходились в доктрине, являются одинаковыми в каждом важном пункте управления. Поскольку многие могут быть склонны считать, что Прелатство протестантской церкви намного менее неприятно, чем Прелатство Рима, и поскольку у нас нет ни необходимости, ни желания нечестно воспользоваться в аргументе чем бы то ни было в свою пользу, мы предпочитаем сравнить Прелатство протестантства с апостольским стандартом.

Источником юрисдикции англиканской церкви является монарх текущего времени, получающий трон по наследству, и который, независимо от всякого характера является, согласно Акту Парламента, единственным верховным главой Церкви Англии и Ирландии (37 Генрих VIII, глава 17). Ни один человек не может быть принятым на служение этой церкви, пока он не подпишет под следующей статьей: «Что его королевское величество, под Богом, является единственным верховным правителем этого королевства и всех остальных владений и стран его высочества, *равно как во всех духовных или церковных вещах* или делах, так и в земных» (Канон 36). Назначение всех архиереев и епископов принадлежит монарху, который руководится в выборе политической администрацией того времени – органом, состоящим из особ, придерживающихся исповедания религии всякой масти, и удерживающимся на своем месте только большинством голосов, которые он имеет в парламенте. Наивысшими церковными служителями под короной являются архиепископы, которых двое в Англии: архиепископы Кентербери и Йорка, и двое в Ирландии: архиепископы Арма и Дублина. Каждый из них имеет под своим руководством число викарных епископов, а каждый епископ имеет под своим попечением низшее духовенство своей епархии, которые проповедуют и отправляют религиозные обряды тем жителям их приходов, которые желают принимать их. Приходское священство в одних случаях назначается короной, а в других – епископом, в третьих – светским покровителем, а иногда - еще более неприемлемым путем.

Таким является Прелатство в своей наиболее одобрительной форме, какой оно представлено в протестантской англиканской церкви. Давайте сравним его с системой управления, которая, как мы уже установили, существовала в Апостольской церкви.

В Апостольской церкви служителей выбирали люди; а в англиканской церкви – архиепископы и епископы выбираются королем или королевой, а подчиненное священство назначается к своим обязанностям либо епископом данной епархии, либо каким-то землевладельцем, либо какой-то гражданской корпорацией. Люди в

Апостольской церкви пользовались привилегией избрания апостола; люди в англиканской церкви не имеют власти выбрать кюре.

В Апостольской церкви служения епископа и пресвитера были идентичны - пресвитеры Ефесские были епископами стада; а в англиканской церкви дела обстоят совершенно иначе. Апостольский пресвитер, будучи учителем и руководителем общины, больше похож на приходского священника, чем на любого иного служителя в англиканской церкви. Но очень ясно, что в этой церкви приходской священник держит совершенно отличительную от епископа позицию. Подведомственная область священника – приход; но епископ управляет епархией, которая обычно включает в себя целое множество приходов. Первый руководит одной общиной; а последний – многими общинами. Первый осуществляет власть над мирянами, а англиканский епископ является повелителем группы духовных лиц. Тогда, если приходской священник соответствует пресвитеру или старейшине апостольских времен, то совершенно ясно, что в англиканской церкви епископ и пресвитер не идентичны в служении. В англиканской церкви каждый старейшина подвластен своему епископу; а в Апостольской церкви каждый старейшина сам был епископом.

В церкви Англии каждая община находится на попечении одного пресвитера. Когда приглашается второй, то он – всего-навсего кюре на службе у другого, и не имеет никаких церковных полномочий. Наличие больше одного пресвитера или старейшины в каждой церкви не очень обычно, и, безусловно, несущественно для системы; тогда как мы увидели, что у каждой церкви апостольских времен существовала множественность пресвитеров.

В церкви Англии назначение на служение – действие, исполняемое исключительно прелатом; он может попросить других присоединиться к нему, но для этого действия необходимо его присутствие, а не других; тогда как в Апостольской церкви существовал обычай назначать людей на дело служения с возложением рук пресвитерии.

Не имеет значения, какая жалоба бы ни существовала в церкви Англии, в ней нет права обращаться с жалобой, кроме как в суд, или в Королевский Тайный Совет, или в другой подобный суд. Дело вынесения на рассмотрение любого вопроса на собрание старейшин, чтобы они решили его, соответственно со словом апостолов, неизвестно в деноминации. Но, как мы уже видели, дела велись таким образом в Апостольской церкви.

В нашей протестантской церкви монарх является, согласно акту парламента, главой Церкви, и 37-ая статья ставит нас в известность, что королю или королеве, смотря по обстоятельствам, «принадлежит верховное правительство всех сословий королевства, будь они церковными или гражданскими, *во всех делах*»; тогда как в апостольские времена у Церкви не было другого главы, кроме Иисуса Христа.

Итак, мы рассмотрели и сравнили обе церкви так внимательно и открыто, как это было только возможно для нас, и мы вынуждены прийти к заключению, что, из шести великих принципов церковного руководства, встречающихся в Апостольской церкви, ни один не претворяется в жизнь в Прелатстве церкви Англии. Поэтому мы делаем вывод что, хотя эта церковь может иметь право на глубокое уважение как человеческая система – поддерживаемая актом парламента и начисляющая в своих рядах многих достойных уважения людей, не существует никаких оснований считать ее, в вопросе руководства, Апостольской церковью. Под риском исключения, мы обязаны заявить свое убеждение, что руководство англиканской церкви противоречит Слову Божьему*.

*№VII «Конституций и Канонов Церковных», согласенный с разрешения короля в 1603г., и переизданный Обществом Молитвенника и Проповеди (1852г.), говорит следующее: «Кто по сему будет утверждать, что, под Его Величеством, руководство Церкви Англии архиепископами, епископами, настоятелями, архидьяконами и остальными, несущими служение в ней, является антихристианским или противным Слову Божьему; такому быть исключенному *ipso facto*, и так оставаться, пока он не покается и во всеуслышание не возьмет назад таких своих нечестивых заблуждений».

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Трудно установить подробности церковного устройства, одобряемого независимыми, так как мы не осведомлены, выразили ли они общей формулировкой свои взгляды на то, что Писание учит на данную тему, и поскольку каждая община, стоя в стороне от остальных, иногда может широко отклоняться в важных пунктах. Поэтому нам остается обнаружить их взгляды на церковное устройство из общих порядков, известных существующих среди них, и из принципов, пропагандируемых их наиболее известными авторами. А они знакомы нам достаточно, чтобы быть в состоянии сравнить Независимую систему церковного руководства с апостольским стандартом.

Принцип народного избрания существовал, как мы видели, в ранней Церкви, и носил на себе одобрение апостолов Господних. Среди независимых этот принцип сохранился в чистоте: у них каждый церковный служитель выбирается людьми.

В Апостольской церкви служение епископа и пресвитера было идентично: епископ не имел никакой власти над пресвитером; напротив – каждый епископ был пресвитером, а каждый пресвитер – епископом. Так оно и у независимых. Каждый из их пасторов занимает позицию епископа и пресвитера, и никто из них не претендует на власть над другими. Для них епископ и пресвитер – всего-навсего разные названия одних и тех же служителей, как это было в апостольские дни.

Мы видели как, в апостольские времена, в каждой церкви существовала многочисленность старейшин. Здесь Независимая система не оправдывает ожиданий. По принципам этой теории церковного руководства вряд ли возможно иметь многочисленность старейшин, и если оно вообще встречается на практике, то редко. Среди них в каждой общине имеется только один служитель, или епископ, или пресвитер. В сущности, их система позволяет для каждой церкви только одного пресвитера. Если бы какой-то апостол писал послание к независимой церкви, он никогда бы и не подумал адресовать его как диаконам, так и *епископам* по той простой причине, что у них обычно имеется только *один* епископ в одной церкви; и не смог бы апостол послать за *пресвитерами* независимой церкви, так как Павел послал за пресвитерами в Ефес, по той простой причине, что в независимой церкви обычно существует только один пресвитер. Единственный пресвитер с диаконами в его подчинении, руководящие церковью – вот бросающаяся в глаза черта, которую везде представляет Независимая система: устройство, сильнее которого ничто не может сопротивляться многочисленности пресвитеров, существовавшей в каждой общине во время ранней Церкви. Кое-кто из Независимых пробует смягчить свое отступление от апостольского образца говоря, что многочисленность старейшин желательна, но их церкви не в силах содержать их. Но не кажется ли вообще нашим почтенным братьям, что между апостольской системой и их системой должно быть заметное несоответствие, если их самые богатые церкви в наше время не в состоянии располагать тем, чем располагали самые бедные церкви в дни апостолов? Ведь Слово Божье говорит о Павле и Варнаве: «они рукополагали пресвитеров к *каждой* церкви».

Служители Апостольской церкви выделялись для исполнения принадлежащих им обязанностей посредством возложения рук пресвитерии. Среди Независимых, однако, рукоположение какого бы то ни было вида не существенно; часто его почитают ненужным. Известны случаи, когда люди действовали в качестве пасторов церкви всю жизнь, а их никогда так и не назначили на служение с возложением рук и молитвой. Эта система не требует рукоположения. Для них оно – это всего лишь вопрос вкуса, в каждом случае предоставленный для выбора отдельного человека. Если новоизбранный пастор хочет, чтобы его рукоположили, то это может произойти только таким путем, который противоречит принципам Независимых. Поскольку община лишена многочисленности пресвитеров, он может быть рукоположен только людьми, у которых нет библейского права делать это, или же соседним пастором. Но кому не ясно, что последний поступок совершенно противоречит ведущему принципу Независимости, а именно - что каждая община *внутри себя* обладает полным материалом для руководства? И до такой степени считается, что так обстоит дело, что, в то время когда одни просят других пасторов района помочь в таких случаях, другие – кто избирает держаться своего конгрегационального принципа с немного большим постоянством – к рукоположению относятся несерьезно, считают его ненужным и предпочитают обойтись без него.

В апостольской церкви существовала привилегия обжалования перед собранием старейшин. Среди Независимых ничто подобное существовать не может. Характерный принцип их системы исключает всякую апелляцию. Решение пастора, и диаконов, и людей, собранных на членском собрании, является окончательным в каждом случае. Не имеет значения, каким бы ни казалось пристрастным или несправедливым их решение, не существует власти, чтобы передать решение для пересмотра менее предубежденному и более просвещенному суду. Суждение церкви может тесно гармонировать с справедливостью, или же оно может быть плодом предубеждения или злобы со стороны нескольких руководителей собрания, конечно, покрытым маской рвения к чистоте общения и ревности за дело религии; но не имеет значения, как поверхностно расследование, или как глубока обида – система лишает оскорбленного человека привилегии апеллировать, и облакает виновных неограниченной властью. Воздерживаясь и отказываясь от всякого объединения, она дает возможность руководителям стать, если они захотят, тиранами церкви, и отнимает у обиженного возможность удовлетворения. «Независимость», - говорит доктор Уордлоу – «это *компетенция* каждой отдельной церкви вести свои дела *без апелляции*».* Это – изобретательный метод маскирования самой отвратительной черты системы. Очень немногие стали бы утверждать, что церковь неспособна так вести свои дела, чтобы уклониться от необходимости апеллировать; но мы утверждаем именно то, что, когда церкви недостает необходимой мудрости и рассудительности так поступить, апелляция у независимых не допускается, обиженный человек лишается удовлетворения, а власть, за которую имеющий ее человек не несет ответственности перед людьми, при неблагоприятном пользовании ею превращается в

* *Конгрегациональная Независимость* доктора Уордлоу, стр. 232. Глазго, 1848г.

тиранию – и нет ничего, способного обуздать ее. Антиохийский пример показывает, что, когда в ранней церкви возникло несогласие, то существовало право передачи вопроса на рассмотрение собранию пресвитеров которые, под предводительством апостолов, решили дело. Пресвитеры все еще могут собираться, и записанное слово апостолов доступно всем; а решение, вынесенное людьми, отдаленными от места спора, неиспорченными местными предубеждениями и находящимися вдалеке от поддержки руководителей, ныне, как и в древние времена, так же может многого добиться в погашении разногласий, если они, к сожалению, возникнут. Но в этом отношении независимые отвергают пример апостолов. Их принцип – отказаться от всякого признания внешней власти, сделать решение членского собрания конечным в каждом случае и отказать обиженным в привилегии обжалования.

Главенство Христа было принципом апостольских времен. Независимые, мы рады сказать, признают этот принцип во всей его чистоте.

Результат нашего сравнения таков: мы находим, что наши братья независимые полностью признают три принципа Апостольской церкви и действуют в соответствии с ними, а именно: народное избрание, идентичность пресвитера и епископа, и Главенство Христа над Церковью. Но есть еще три апостольских принципа, которые мы не можем отыскать в их системе, а именно: многочисленность пресвитеров в каждой церкви, назначение на служение с возложением рук пресвитерии и привилегию апелляции. Поэтому мы заключаем что, в то время когда Независимая система руководства намного ближе приближается к образцу ранних времен, чем система, существующая в англиканской и римско-католической церквях, все равно эта система не имеет право ссылаться на прецедент Апостольской церкви.

ПРЕСВИТЕРИАНСТВО

Теперь нам только остается сравнить пресвитерианскую систему с стандартом закона и свидетельства. Термин *пресвитерианский* происходит от слова *пресвитерия*, потому что ведущей характерной чертой данной формы церковного руководства является то, что она поручает обязанность управлять церковью пресвитерии – то есть, пресвитерам или старейшинам церкви в их собранном качестве. Но давайте приведем ее, как мы привели остальных, к библейскому стандарту.

В апостольской церкви, как мы уже часто упоминали, народное избрание было общепризнанным принципом. Так оно и в Пресвитерианстве. Во всех пресвитерианских церквях везде в Британии и Америке, с единственным исключением Государственной Церкви Шотландии, члены каждой общины неизменно выбирают своих служителей. Иногда этой привилегией злоупотребляли, но какая добрая вещь не злоупотреблялась грехом и увлечением человеческим? Но это – библейская привилегия, которую Апостольская церковь завещает нам, и пресвитериане часто доказывали, что ценят ее дороже золота.

В раннем веке служение епископа было то же самое, что и пресвитера. В вопросе ранга пресвитер не стоял ниже епископа, ни епископ – ниже пресвитера. Так оно и в пресвитерианской церкви. Каждый пресвитер – это епископ, или блюститель стада; а каждый епископ – это пресвитер, чьи функции – управлять в доме Божьем. Служение пресвитера имеет две стороны: назидание и управление; но само служение – одно.

В каждой общине Апостольской церкви существовала множественность пресвитеров или епископов. Такой обычай существует в каждой пресвитерианской церкви в нынешний день. В каждой из их общин есть определенное число людей, рукоположенных на служение пресвитерства, из которых по крайней мере один посвящает себя делу служения в его разнообразных отраслях, а в частности – научению народа, в то время когда другие в основном уделяют внимание управлению Церковью Божьей. Наставление и руководство, как мы уже заявили, являются разными сторонами одного и того же служения; и, пока не может быть сомнения о том, что назначенные на это служение люди имеют право, абстрактно, занимать обе позиции, все же, практика показала, что более удобно и полезно для людей, чтобы каждый пресвитер уделял большую часть своего внимания тому отделу, исполнять обязанности которого он больше всего подготовлен. Все старейшины, будучи епископами, имеют равное право, согласно Писанию, проповедовать, крестить, совершать Вечерю Господню и рукополагать*; но условленно, чтобы эти обязанности перешли к одному из старейшин, для различения называемого *служителем*, который специально подготовлен для своего труда, и с общим согласием считается, что он больше всех обладает дарованиями и знаниями и который, последовательно, больше всех компетентный сделать эти установления назидательными для Церкви; в то время когда большинство старейшин только управляют, посещают больных, заведуют Воскресными школами, проводят молитвенные собрания и приносят пользу другими путями. Следовательно, пресвитериане содержат многочисленность пресвитеров в каждой церкви; и,

как было в апостольские дни, среди них существует обыкновение, что руководят те старейшины, которые не трудятся в слове и учении. Любой непредубежденный человек может увидеть из 1 Тимофею 5:17, что служение пресвитерства разделялось на две великие области обязанностей как в ранние времена, так и теперь. «Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении.» Комментарий доктора Кинга на этот стих по здравомыслию и правдивости непременно зарекомендует себя каждому разумному человеку: «Эти слова», - говорит он – «могут подсказать непредубежденному читателю только одно значение – что все пресвитеры, которые управляют хорошо, достойны большой чести, а особенно те из их числа, которые, кроме хорошего начальствования, еще трудятся в

* Нужно понимать, что в пресвитерианской церкви только те, кто имеет разрешение и является рукоположенным пресвитерией на пост служения, могут совершать таинства.

слове и учении. Конечно, если это место толковать так, то оно значит, что из пресвитеров, хорошо начальствующих, только некоторые трудятся в слове и учении – то есть, существуют начальствующие пресвитеры, а среди них – научающие пресвитеры, как дело обстоит у нас в данное время»*. Мы не можем не поместить правильное толкование этого знаменитого стиха, о котором наши оппоненты часто обвиняют нас, говоря, что мы выдвигаем самые абсурдные и крайние толкования. Но мы просим читателя заметить, что вопрос, который находится у нас на подробном рассмотрении в данное время – это что у Пресвитерианства, как в Апостольской церкви, в каждой общине имеется многочисленность пресвитеров.

Служители выделялись для их отдельных областей деятельности с возложением рук пресвитерии. Пресвитерианская церковь, в ее различных ветвях, - это единственная известная нам церковь, неизменно проводящая в жизнь этот библейский принцип.

В Апостольской церкви была признанной привилегия обжалования и право управления. Эта привилегия не только признается в Пресвитерианстве, но и является одним из самых заметных его принципов. Возникни какое-нибудь разногласие в общине – члены правомочны уладить вопрос без апелляции, если захотят; но, если им это не удастся, то они равно имеют право передать все дело, то ли для совета, то ли для решения, собранию пресвитеров, собирающихся в пресвитерии. Самый высший церковный суд, известный системе – это *Пресвитерия; Синод* – это имя, которое обычно дается пресвитерии провинции, а *Генеральная Ассамблея* – название, которое удобство дало пресвитерии нации. Генеральная Ассамблея имеет юрисдикцию над Синодом только по

той причине, что она является большей пресвитерией. Отсюда та *подчиненность церковных судов*, о которой некоторые неразумные друзья Пресвитерианства говорят как о главной черте системы, является всего лишь случайным порядком, который, как доказал опыт, способствует союзу и силе, но который вовсе не обязательный для существования системы. Это доказывается тем

* Кинг, в цитированном труде, стр. 115.

фактом, что деноминация без Синода и без Ассамблеи, не имеющая вообще никакого церковного суда, кроме окружной пресвитерии, все же является полным пресвитерианским органом. Пусть будет только одно собрание пресвитеров, к которому община может подать жалобу, - и апостольский принцип сохранен. Даже точно неизвестно, является ли *репрезентация* главной чертой системы, хотя действительная репрезентация и является плодом существующих порядков. Репрезентация существует до той степени, что несколько служителей, избранных людьми при их начальном введении на служение, ведут дела за многих. И не все служители имеют привилегию быть допущенными к высшим судам; потому что, хотя в абстрактности все пресвитеры равны в вопросе официальной власти и, конечно, имеют равное право заседать в пресвитерии, все же, ради удобства, существует соглашение о том, чтобы только часть их одновременно пользовалась этим правом. В Пресвитерианской Церкви Ирландии с незапамятных времен существует обычай, - и долгий опыт только послужил подтверждением его преимуществ – чтобы два пресвитера – научающий пресвитер, или служитель, и управляющий пресвитер – занимали места в пресвитерии. Результат этих порядков таков: происходит действительная репрезентация, и система пользуется всеми своими преимуществами; но сказать, что она – главный столп Пресвитерианства, на наш взгляд, противоречит фактам дела. Даже если расширить президиум пресвитерии так, чтобы дать место в наших церковных судах каждому пресвитеру, то это, в значительной степени, ликвидировало бы репрезентацию, и было бы неразумно по многим причинам, но оно не поколебало бы ни одного столпа системы. Тем временем, что бы ни думалось о принципе репрезентации и подчиненности церковных судов, не может быть сомнения, что пресвитерианская форма руководства, заодно с формой руководства Апостольской церкви, обеспечивает людям *право обжалования в собрании пресвитеров, и жалует собранию пресвитеров право управления* – привилегия, которой, насколько нам известно, не пользуется никакая деноминация, не являющаяся в вопросе управления пресвитерианской.

В Апостольской церкви один Господь Иисус был Царем и Главой. Это – истина, которую признают все пресвитериане, и практически по ней действуют все, кроме очень немногих, кто, вследствие объединения с государством, обвиняются в фактическом отступлении от этого принципа. Все Пресвитерианские церкви относят к своим наиболее ценным, как и отличительным, принципам то, что *один Христос – Царь и Глава Своей Церкви*. Как деноминация, пресвитериане всегда считали, что Церковь, независимо от мирских правителей, имеет верховную юрисдикцию в всех духовных вопросах, и что служители обязаны отправлять ту юрисдикцию в соответствии с желанием Христа, как оно выражено в Его Слове. Пресвитериане всегда были горячи в своей привязанности к доктрине Верховного Главенства Иисуса Христа над Его Церковью.

Значит, из подробного и упорного исследования мы находим, что шесть главных принципов руководства, которые были учреждены вдохновенными Богом людьми в Апостольской церкви, признаются и исполняются на деле среди пресвитериан. Мы не знаем никакой другую деноминацию в мире, о чьей форме церковного управления можно было бы сделать то же самое заявление, не отходя от истины.

РЕЗУЛЬТАТ

Итак, перед нами лежит результат наших исследований и сравнений. Слово Божье содержит шесть великих, четко определенных принципов управления, которые были проводимы в жизнь в той Церкви, которая была насаждена и организована вдохновенными апостолами Господними. Все существующие современные церкви заявляют, что они – апостольские и, за исключением греческой и римской церквей, заверяют, что принимают Писание как единственное правило веры и практики. Но, по сравнению прелатства англиканской церкви со стандартом Божьего Слова обнаружилось, что в той церкви не признается и не проводится в жизнь ни один из апостольских принципов руководства. Среди независимых на деле подтверждаются три апостольских принципа; остальные три нигде не отыщешь. Среди пресвитериан все эти шесть принципов признаются, и каждый из них является главной чертой системы Пресвитерианства. Теперь мы напомним читателю аксиому, с которой мы приступили к исследованию: *Современная церковь, которая в своем руководстве претворяет в действительность наибольшее количество апостольских принципов, в своем руководстве ближе всех подходит к Апостольской Церкви*. И мы применяем эту аксиому для урегулирования вопроса. Мы заключаем, что, в то время как прелатство Рима и Англии находится в прямом сопротивлении форме церковного руководства, разрешенной вдохновенными людьми; пока Независимость приближается намного ближе, но все еще не достигает первого образца, *Пресвитерианская церковь, в вопросе управления, является единственной Апостольской церковью*.

Мы действительно далеки от того, чтобы утверждать, что любая церковь на земле *во всем* является точной копией образца, поданного в раннем веке. Не нужно много думать, чтобы увидеть, что Апостольская церковь в Писании – совершенно уникальна; *во всех ее частях* она никогда не будет воспроизведена в этом мире. В ней были апостолы, пророки и апостольские посланники – все облачены необычными силами, которые не были переданы никаким преемникам. Для первых проповедников было довольно обычно совершать чудеса в подтверждение их учения и даровать Святого Духа посредством возложения рук. Иногда в одной и той же общине было несколько одаренных братьев, способных заглянуть в будущее пророческими глазами и безошибочно объявить волю Божью. В Иерусалимской церкви, организованной целой коллегией апостолов, и матери всех остальных церквей, была учреждена общность владения имуществом; и для людей тех дней, когда их сердца горели первым жаром любви к Господу Иисусу, продавать свое имущество и ложить выручку за него у ног апостолов было вполне обычной вещью. В течении всего апостольского века не было общественных зданий, сооруженных для проведения христианского богослужения; а учителя, вместо того, чтобы ограничивать свои труды жизни одним небольшим районом в стране, ходили везде, проповедуя Слово. Это – вещи, в которых ни одна известная нам деноминация еще не смогла подражать Апостольской церкви, и не похоже, что когда-либо сможет.

А еще, в систему Пресвитерианства вплетены определенные порядки, некоторые из них – очень незначительные, для которых было бы очень трудно найти пример в Писании. Мы уже ссылались на *репрезентацию* – обычай, когда один или два пресвитера представляют своих братьев-пресвитеров на наших собраниях пресвитерии – порядок, больше обоснованный на здравом смысле, чем на Писании, принятый для того, чтобы не дать любой отдельной общине пользоваться преимуществом в влиянии и гарантировать, насколько это возможно, спокойное обсуждение и справедливые решения. Если бы мы могли иметь в собрании пресвитеров личное присутствие вдохновенных апостолов, чтобы они направили братьев к правильному решению, то мы уверены, что все было бы хорошо, и может быть, не так пеклись бы о репрезентации; но, пока человечество не достигает совершенства, принимать меры против злоупотреблений и наложить на

осуществление произвольной власти полезный контроль - справедливо. Не существует плана, лучше приспособленного для того, чтобы достичь это и в то же время добиться доверия людей, чем плана репрезентации. Также мы упоминали о подчиненности церковных судов – порядок, в который вводится для приведения в действие принципа обжалования, и который дает деноминации не только союз и силу, но также явно сопутствуется многими другими преимуществами. Практичность обоих этих принципов несомненна, но было бы бесполезно говорить, что они – сущность Пресвитерианства.

Нередко слышишь, как люди говорят о преимуществах, выпадающих на долю пресвитерианской системы из-за разрешения доступа в церковные суды *недуховным лицам*. Это же вообще недоразумение. Никто кроме пресвитеров – научающих и управляющих пресвитеров – не имеет права заседать ни в каком суде Пресвитерианской Церкви, от сессии общины до Генеральной Ассамблеи и, как мы уже увидели, все пресвитеры равны в вопросе официального положения, потому что, хотя их области обязанностей в некоторых отношениях отличаются друг от друга, само же служение – одно и то же самое. Никакой пресвитер любого рода – не *недуховное лицо*, а церковный служитель, назначенный на служение с возложением рук пресвитерии и назначенный блюсти стадо и отправлять духовные обязанности. Также пресвитер не заседает в наших церковных судах для того, чтобы представлять мирян. Он представляет мирян только в том смысле, в каком служитель представляет их, и ни в каком ином; оба они избраны людьми, и оба занимают один пост в Церкви; единственная разница между ними – в образовании, труде и вознаграждении. Эта идея правдоподобна только из-за того факта, что большинство старейшин заняты на светских работах. Но нужно помнить, что в начале все служители были так заняты. Даже апостол жил с своего ремесла, как он неоднократно сообщает нам (Деяния 20:34; 18:3; 1 Коринфян 4:12; 1 Фессалоникийцам 2:9; 2 Фессалоникийцам 3:8); и частью напутствования Ефесских епископов Павлом было: «Что, *так трудясь*, надобно поддерживать слабых» (Деяния 20:35). Если занятие нецерковной профессией доказывает, что наши пресвитеры – *недуховные лица*, тогда Ефесские епископы были *недуховными* лицами, и апостол язычников тоже был *недуховным* лицом. Равно напрасно доказывать что, поскольку братья присутствовали на апостольском совете (Деяния 15:23), то мирянство имеет право быть представленным, и их представляют в наших церковных судах пресвитеры; потому что, как всякий знает, на том совете присутствовали и пресвитеры, и братья, а потому одни не могли представлять других – каждый класс имел свое место и свои функции. Пресвитеры заседают в своем праве как духовные руководители в доме Божьем. В наших церковных судах нет *недуховных* представителей и нет *недуховных пресвитеров* – название, которое выдумало невежество, а недоброежелательность сберегла для того, чтобы навлечь на служение презрение и дурную славу.

Однако будет только откровенным сказать, что такие нелепые идеи о церковном порядке, какие обнаруживают эти слова, получили поощрение от неравенства, которое в течении времени возникло между учащими пресвитерами и правящими пресвитерами. Это неравенство не есть плодом никакого церковного положения, но, как в начале, так и теперь оно является в основном следствием различия дарований. Наиболее одаренный из пресвитеров в начале был выделен проповедовать, и то, что в начале было всего лишь различием дарований, в ходе времени начало иметь вид различия ранга. Тут напомним верное замечание доктора Кампбелла: «У власти есть некая привлекательная сила, которая производит в ней тенденцию накапливаться настолько, что то, что в начале есть едва различимой разницей, в ходе времени вырастает к весьма заметному неравенству».

Неравенство, существующее между учащими и управляющими пресвитерами среди пресвитериан нужно не то что защищать, а горько оплакивать, и, насколько возможно, его нужно устранить. Однако, это нужно сделать не путем понижения научающего пресвитера, а возвышая управляющего пресвитера, и назначая на служение только тех, кто отличается от людей мерой добродетелей и даров больше обычного, кто знает об ответственности пресвитерства и кто полон решимости, ради Господа, по мере сил исполнять свои обязанности. Кроме того, служение диакона, в данное время существующее только в нескольких общинах, нужно восстановить в каждой церкви, где пресвитеры могут управиться с земными вопросами только упустив духовные дела, принадлежащие им. Эти и другие изъяны можно исправить, когда только их посчитают изъянами; так как одно из многих достоинств образа правления Пресвитерианской церкви – это то, что внутри себя она обладает очищающей и исправительной силой, которой, одновременно всегда сохраняя библейские и основные принципы системы, она может изменить любой порядок, который, как показал опыт, в своем практическом действии не производит добра.

Итак, мы не утверждаем, что Пресвитерианская церковь – это во всем точная копия Апостольской церкви. В одной имеются некоторые вещи, которых наверняка никогда не будет во второй; и наоборот – в одной недостает некоторых вещей, которые находятся во второй. Но в учении они совершенно одинаковы; в поклонении они совершенно одинаковы; в управлении – все основные принципы одной находятся во второй. На земле нет другой церкви, о которой действительно можно сказать то же. Поэтому мы считаем вне всякого обоснованного сомнения то, что *из всех церквей, существующих теперь в мире, Пресвитерианская церковь ближе всех подходит к образу апостольских времен*. В том, что таков факт, каждый человек, который внимательно и

непредубежденно рассмотрит поданные здесь доказательства (на что они имеют право), должен, как мы считаем, быть убежден.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Практические уроки

Апостольские принципы церковного руководства характерны для Пресвитерианской системы. Главной причиной того, почему пресвитерианцы остаются в стороне от других церквей, является то, что те как не применяют эти принципы на практике, так и не признают их.

Я не знаю основательной причины на то, что я – пресвитерианин, а не независимый, кроме того, что я убежден, что Пресвитерианство сделало то, чего соперничающая система не смогла – сохранило принципы апостольского руководства; и, по этой причине оно обладает таким количеством библейского полномочия (не говоря о единстве, объединенности и бодрости), какое Независимость никогда не может иметь. Отсутствие этих апостольских принципов в прелатской церкви всегда должно держать просвещенных и сознательных пресвитериан вне ее пределов, не имеет значения, какие изменения ни были бы внесены в ее догматы, или какая перемена ни была бы принесена в ее ритуал.

Если наши характерные принципы не являются апостольскими и важными, то Пресвитерианство – не только глупость, а весьма великая глупость; и, стоя в стороне от других деноминаций на таком основании, мы только навсегда сохраняем ненужные разделения в Церкви Божьей. Если мы обнаружим, что характерные черты системы либо неистинны, либо являются истинами второстепенного значения, то мы немедленно должны принять меры для того, чтобы уладить существующие расколы и подтвердить христианский союз примером - объединившись с какой-то сестринской деноминацией, принципы которой в большей мере библейские и важные, чем наши собственные. Но если, с другой стороны, наши характерные принципы так же глубоко важны, как истинны, тогда долг перед Богом и Церковью требует, чтобы мы открыто признавали, показывали и защищали их, и настаивали, чтобы мир заметил их.

В данное время пресвитериане кажутся довольно нерадивыми в выполнении любой из этих обязанностей. Как деноминация, мы не проявляем желания отречься от своих характерных принципов и соединиться с Прелатством или Независимыми; но, с другой стороны, мы не прилагаем таких усилий учить и распространять их, каких истина имеет право ожидать от наших рук. Извлекая имя и характер нашей церковной системы из этих принципов, мы, кажется, объявляем миру, что они весьма важны; но своей укоренившейся сдержанностью о данной теме в отправлении богослужений с кафедр мы, кажется, говорим, что они маловажны. Наше поведение в этом отношении двусмысленное и нерешительное. Одной рукой мы создаем, а другой разбиваем. На основании определенных принципов мы держимся в стороне от других вероисповеданий; и все же, учить эти принципы с кафедры обычно считается навязыванием, несоответствующим Евангелию. Наше отдельное существование, как Церкви, покрывает наши особенности важностью; наша укоренившаяся забывчивость внушать их людям углубляет, если не производит, популярную идею о том, что они вовсе не имеют важности.

То, что изложение наших принципов с кафедры подается очень редко – это факт, отрицать который осмелятся очень немногие люди, знакомых с обстоятельствами. Я сам годами просиживал в различных Пресвитерианских церквях в городах и деревнях; я всегда слышал, как наши служители проповедовали Евангелие Христово и великие заповеди христианских принципов поведения, и всегда проводили их в жизнь с великой верностью, а иногда – с большой силой; но я не помню, чтобы когда-либо - кроме как на учреждении служителя – слышал какую-либо попытку научить людей, зачем им следует быть пресвитерианами а не прелатистами, - и все же, я еще никогда не посещал богослужения там, где не было бы приходской церкви на расстоянии до двух миль. Мне повстречалось немало людей, говорящих, что и они всю жизнь просидели в Пресвитерианских церквях, но не помнят, чтобы в любое воскресенье слышали заявление и объяснение хотя бы одного принципа устройства Пресвитерианской церкви. *Защита Пресвитерии* – одна из самых талантливых защит апостольско-церковного руководства и богослужения, предъявленных настоящим столетием, свидетельствует странный факт молчания кафедры о наших характерных принципах. В предисловии к своей книге, ее авторы делают следующие замечания: «Может ли он (господин Бойд) указать на единственного пресвитерианского служителя в *Северной Ирландии*, который ранее обращался к собранию четыре воскресенья подряд на тему особенностей Пресвитерианства? Может ли он назвать пресвитерианского служителя, который ранее провел хотя бы одно воскресенье в обсуждении данной темы? Мы убеждены, что он не может выставить ни один такой случай в качестве извинения за возбуждение им спора». Ко всему этому могут существовать некоторые достойные исключения; но все равно нельзя справедливо отрицать, что изложение нашего церковного управления стало, в

общем, немодным и необычным. Даже при рукоположении зарождается чувство, что разъяснение наших принципов является периодическим бременем, несообразным с либеральностью современных дней, которое древний обычай навлек на нас; и добрые, снисходительные люди, которые любой ценой желают быть в хороших отношениях со своими ближними и боятся причинить обиду, честно сказав правду, желают, чтобы речь о Пресвитерианстве, обычная в таких случаях, либо была полностью отменена, либо (что равнозначно тому же) – была так смягчена, чтоб угодить всем. Также, изложение пресвитерианских принципов редко выходит из прессы, кроме как тогда, когда какой-то защитник другого вероисповедания, движимый нашей вялостью, набирается достаточно смелости, чтобы напасть на нашу систему; и тогда какой-нибудь воин-пресвитерианин, одетый в военные доспехи, спускается на поле спора; но перед тем, как нанести удар, он тщательно извиняется перед публикой за вторжение, оправдываясь тем, что появляется ради самозащиты – он с таким же успехом мог бы сказать, что не побеспокоил бы мир, рассказав ему правду, если бы случай не спровоцировал на это. Это открытое признание подготавливает читателя с самого начала считать горячность рвения писателя всего лишь вспышкой личного негодования, а самые острые выпады его логики – ядовитые жала сектантской мести.

Причины этого виноватого молчания многочисленны. Я уверен, что мы не стыдимся своего Пресвитерианства, но все-таки очень похоже, что мы стыдимся его. Но дело в том, что некоторые служители никогда не уделяли особого внимания огромной важности ознакомления своих людей с причинами, из-за которых пресвитериане отделяются от других христиан; знание чего, как каждый мыслящий ум непременно поймет, так необходимо для того, чтобы произвести согласованность поведения и навсегда сохранить существование нашей деноминации. Другие молчат потому, что выдать сильную привязанность к пресвитерианским принципам кажется фанатично и немилосердно, и слишком резко противоречит евангелической ереси, так популярной сегодня – что все формы протестантской религии равно истинны и равно заслуживают поддержки и одобрения христиан. Но основная причина умалчивания кафедры о данной теме – это представление, настолько распространенное среди служителей, что наши характерные принципы так четко написаны в Писании, что они видны всем и что, поэтому, общественная пропаганда Пресвитерианства не нужна. Это, я уверен, является заблуждением духовных лиц, вопиющим и колоссальным. Правда, пресвитерианские принципы ясно содержатся в Библии, но нам нельзя забывать, что то, что совершенно ясно одному человеку может быть совсем неясно для другого. Ум народа очень проницателен в делах повседневной жизни, но он – глупый ученик в делах, относящихся к Богу, и на каждом шагу ему нужна помощь и водительство для того, чтобы достичь правильных взглядов на духовные вопросы. Хотя Пресвитерианство ясно описано в Писании, я считаю, что Евангелие написано еще яснее; и все же, нередко встречаешь людей, с детства знакомых с Библией, священников, дело которых – проповедовать Библию и авторов, попытавшихся обучать мир религии, которые все равно не знают основных принципов Евангелия Христового. И как не было бы благоразумно для проповедника Креста оставить народ, чтобы он сам обнаружил в Библии Евангелие для себя, так и не благоразумно оставлять их без помощи в поисках Пресвитерианства. Человек, немножко больше образованный, чем мы можем, за несколько минут, показать нам такое значение в стихе из Писания, какое мы никогда не замечали в нем, и может оставить нас в недоумении: как это, что мы так часто читаем его, и никогда до сих пор не видели его в таком прекрасном и истинном свете? Кроме того, кажется ясным то, что, если руководство Церкви является частью открытой воли Божьей, то долг повелевает, чтобы оно получало от каждого верного служителя в лекциях с кафедры место, соразмерное с его важностью. Больше того, существует особая нужда, чтобы люди принимали помощь служителя в этой области; ибо, рассматривая апостольскую систему, для собирания стихов, сравнения фактов и выведения заключения требуется столько труда, что немного умов, предоставленных одним своим собственным усилиям достаточно ревностны, чтобы предпринять его и достаточно энергичны, чтобы завершить его. И чья это обязанность оказать помощь, если не того, кто призван Святым Духом и избранный голосом людей, чтобы трудиться в слове и учении? «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его.»

Что бы ни причинило молчание кафедры об отличительных принципах пресвитерианской системы, его печальные результаты обнаруживаются каждый день. Горсточка понимающих людей, которые достигли некоторого ознакомления с нашими принципами, извлекли свое знание из Библии и книг, очень редко – с кафедры; в то время когда действия остального множества, не проинформированного на такие темы, иногда идут открыто вразрез с ними. Толпы людей часто посещают дом молитвы потому, что привыкли к этому с детства, а не потому, что когда-либо замыслились над характерными принципами пресвитерианской системы и убедились в их истине через исследование Слова Божьего. Они – пресвитериане только по рождению и привычке, очень редко – по убеждениям. Не будучи систематически наученными, что принципы руководства, действующие в их церкви – исключительно апостольские, много пресвитериан, кажется, считают, что все протестантские церкви находятся на том же уровне истины; они не затрудняются формами веры; на их взгляд, Вестминстерское Исповедание и Тридцать Девять Догматов – всего лишь копии друг друга; Прелатство, Независимость и Пресвитерианство для них все похоже между собой – только фанатизм притворяется, что видит разницу. Такого рода взгляды так обычны теперь, что заявление их не вызывает никакого отвращения, они пользуются огромной

популярностью, особенно у пресвитериан-богачей, которые слепо подражают моде и с самых ранних дней замышляют перебежать в официальную церковь. И не сильно удивительно то, что много других людей, не наученных считать пресвитерианские принципы частью Божественного откровения и окруженных многими обстоятельствами, ведущими к углублению впечатления о том, что все формы протестантской веры одинаково библейские, в церкви держит только сила привычки или личная привязанность к какому-либо достойному служителю; и они готовы швырнуть от себя номинальное исповедание апостольских принципов, как только наступит время, когда выход из Пресвитерианской церкви сможет развить их мирские интересы, угодить их начальникам, лелеять мечту о мести или потворствовать капризу.

Не может быть много сомнений о том, что незнание библейской истины и практической ценности наших принципов охладило пресвитерианскую общину к своей собственной церкви, чем они были бы в противном случае. Я часто замечал, как римский католик, методист или баптист – каждый думает, что его церковь самая чистая и лучшая в мире; в то время когда пресвитерианин обычно считает любую другую протестантскую церковь по крайней мере такой же хорошей, как его собственная. Именно это популярное убеждение в Северной Ирландии придает прозелитизму всю его силу. Некоторые меньшие течения стараются распространить мнение о том, что различия между протестантскими церквями не имеют важности, и поступать так – в их интересах; ведь если такое представление распространится, то они ничего не потеряют, а получают много. У них каждый служитель, знающий свое дело, конечно, энергично и, несомненно, добросовестно поддерживает Евангельский Союз. Прелатское священство тоже, за исключением какого-то редкого случая, прилагает все усилия для того, чтобы распространить то же мнение среди инакомыслящих, потому что оно дает им более свободный доступ к передаче своего пьюэизма пресвитерианским семьям; и потому, что, будучи мудры в своем поколении, они обладают проницательностью понять, что, когда ум пресвитерианина пропитывается тем чувством, что между двумя церквями нет разницы, то вскоре последует вопрос: зачем нам ни за что обременять себя? Зачем тратить на содержание отдельной церкви? Почему не присоединиться к официальной церкви? Если прозелитизм причиняет нам раздражение, то нам некого винить, кроме самих себя. Если бы мы были верны своим принципам, люди были бы верны нам. Преобладающее безразличие к Пресвитерианству, которое произвело наше дефектное обучение, оставило нас открытым для вторжений каждого течения, решающего оказать противодействие нам, которое, поступая так, всегда может с уверенностью рассчитывать на одобрение и сотрудничество некоторых из нас. Это превратило Пресвитерианскую Церковь Ирландии в нечто вроде церковного заповедника, куда не смеет ступить нога паписта, но где каждый меткий стрелок, носящий маску Протестантства, волен охотиться, когда ему захочется, и захватывать свою добычу. Если неосмотрительные среди наших людей время от времени попадают в ловушку птицелова, то вся вина падает на нас.

Однако, вместо того, чтобы сыпать бесполезными сожалениями о прошлых недостатках, может быть, для всех нас было бы лучше обсудить самое подходящее средство для сообщения нового и лучшего духа пресвитерианскому уму. Служители в силах сделать это в тот момент, когда они *захотят*. Ни в какой иной деноминации духовенство не может пользоваться влиянием над разумным обществом, равным нашему. Генеральная Ассамблея состоит из собравшихся служителей царства, и великий властитель дум, используя свою позицию в доме для того, чтобы записать великие истины на сердцах у своих слушателей, может дать толчок принципу, который ощутится до самых концов народа. Подобно сыновьям молодости, каждый слушатель, находящийся там, является стрелой в руке сильного. Изречения и принципы, объявленные там, передаются каждым служителем его соответственной сфере труда; и в его руках изречение становится воплощенным в действие. Размещенные на соответственном расстоянии по всем частям королевства, каждый из наших служителей является центром своего круга; они соприкасаются с обществом во всех степенях – от высшей до низшей по шкале умственных способностей; они обращаются к людям открыто по крайней мере раз или два раза в неделю круглый год, и выходят, чтобы вести частную беседу с каждой семьей у их очага; они участвуют в общественных собраниях, осуществляют руководство над просвещением молодежи, сотрудничают в газетах и журналах и имеют доступ, многими другими разными путями, к умам и сердцам людей. Излишне добавлять, что это предоставляет нам огромное влияние к добру или злу. В нашей силе формировать взгляды нашей общины и глубоко воздействовать на общество за ее пределами. Нам только нужно стоять единодушно за какой-то принцип и с энтузиазмом отстаивать его для того, чтобы очень глубоко закрепить тот принцип в уме королевства. В данный момент в пресвитерианском служении имеется столько воли, что она, если ее благоразумно направить, смогла бы революционизировать религиозное чувство нации.

Исходя из этой предпосылки, ясно, что нам нужно только решительно приступить к новому образу действий для того, чтобы полностью изменить ход популярного мнения в пользу Пресвитерианства. Никогда нельзя забывать, что, как служителям Евангелия, в наши руки вложена очень важная ответственность. Обязанности этого долга лучше всего выполняются посредством того, что каждый человек старается, в самой большой возможной степени, возделывать ту часть виноградника, которая вручена его личной заботе. Ревность в других делах никогда не сможет восполнить недостатка в этом. Пусть наши служители продолжают, как в данное время, верно проповедовать Евангелие и поддерживать то здравомыслие в вере, без которого не может быть

религиозного процветания. Пусть они продолжают подтверждать примером в своей жизни и характере ту чистую нравственность, которую они внушают другим. Пусть они удвоят свое внимание, уделяемое людям - если его возможно удвоить, - и не щадят сил для того, чтобы принести слово жизни к каждому очагу. Пусть они посещают больных, утешают плачущих, научают невежественных, сочувствуют бедным и угнетенным, поддерживают миссии и подают руку помощи каждому проекту, цель которого – поощрение благожелания и добродетели. Пусть они во всем стараются представить себя Богу достойными – работниками, которым не нужно стыдиться. Но пусть они будут уверены: они не служат ни Церкви, ни себе самим, если, путем толкования с кафедры и личного научения, они не приложат стараний, чтобы глубоко запечатлеть в памяти людей отличительные принципы пресвитерианской системы. Я совсем не имею в виду, что эти принципы должны заместить Евангелие Христа; но, поскольку мы верим, что они составляют неотъемлемую часть Божественного откровения – нашим долгом, как верных служителей Христовых, есть преподать их людям. Я не имею в виду то, что нужно систематически нападать на любую деноминацию в жестоком и нехристианском духе; но мне кажется, что если проповедник пророчествует только о приятном, проповедует только о том, что считает приятным для своих слушателей, щадит заблуждения, которые распространены в обществе и приносят много зла, и нарочно удерживает какую-то часть истины из-за страха, что его назовут узким и немилосердным, он перестает быть служителем Божиим и становится слугой человека. Пока мы остаемся отделенными от официальной церкви, то тщательно ознакомить пресвитериан с нашими причинами для поддержания и сохранения отдельного церковного существования как входит в наши интересы, так и является нашим долгом. Пусть наш раскол покоится на знании, а не на незнании людей; и мгновенно он становится разумным и последовательным и, конечно, более внушительным, чем когда-либо. Личная привязанность к служителю – слишком слабая ниточка для того, чтобы привязать людей к церкви; потому что смерть или устранение в любой день могут разорвать ее. Узы привычки, родства и раннего общения, хотя и достаточно сильны в некоторых случаях, не слишком сильны, но рвутся, как часто показывает опыт. Нам остается учить свои общины, что наши принципы, составляя – как это есть – часть Слова Божьего, должны быть для всех Божьих людей такими драгоценными, как золото. Время от времени мы должны наставлять их в том, что такое Пресвитерианство. Пусть каждый служитель делает это так мягко, как ему захочется, но пусть он делает это верно и твердо. Пусть ропот недовольных людей внутри церкви, или шум врагов вне ее не отворачивают его от его цели, но пусть он помнит, что пациент кричит громче всего тогда, когда врач ощупывает больное место. Пусть он не оставляет никого в сомнении о том, что сам верит принципам, общественным представителем которых является сам, и о том, что они очень дороги его сердцу. Пусть он не принимает никаких мер, ведущих к распространению популярного заблуждения, что наши характерные принципы – это пустяки. Пока остерегаясь, чтобы не противостоять другим христианам, стремящимся продвигать славу Божью по-своему, мы не должны ни помогать, ни поощрять людей, которые систематически отвергают то, что мы считаем великими и важными истинами. И пусть он не страшится, что его назовут фанатиком, ибо что такое *фанатик*, кроме плохого имени, которым мир называет человека, отваживающегося иметь принципы и который достаточно тверд, чтобы всю жизнь показывать последовательную преданность им? Одним словом, целью всех нас должно быть превращение всякого пресвитерианина по имени в пресвитерианина по убеждению.

Безразличное и отвратительное равнодушие к пресвитерианским принципам, на которое человек везде наталкивается в нынешний день, громко вопиет о каком-нибудь выходе из положения. Самое лучшее средство, известное мне – это открыто и отдельно учить людей из учебника Божьего Слова, что Пресвитерианство реально представляет собой. Если бы мы вошли в огромный заговор, имеющий целью оставление наших принципов на вымирание из памяти мира, то никакой образ действия лучше не подошел бы нам для достижения нашей цели, чем тот, чтобы никогда не шептать их с кафедры. Но если мы хотим, чтобы люди знали и ценили их, то совершенно ясно, что мы должны показать, что знаем и ценим их сами. Если мы хотим втолковать в голову народу любые принципы, и сделать их подобно «гвоздям, забитым квалифицированным сборщиком», то мы должны никогда не переставать забивать их. Изречения, постоянно произносимые с кафедры, трибуны и прессы не могут, по естественному ходу развития, все время бесцельно падать на землю; в начале немало людей могут не любить их, но они изменяют взгляды даже тех людей, чьи суждения уже достигли зрелости; они с великой настойчивостью закрепятся в молодых умах, открывающихся для мышления; они широко распространятся в вечно растущих кругах; наконец, они превратятся в общественное мнение. Кафедра – это должная сфера для обнародования религиозной истины. Не нужно прилагать усилий, чтобы распространить по миру заблуждение – точно так, как семена в природе, носимые осенним ветром, засеваются по земле вразброс и прорастают в почве без обрабатывания земледельца; но истина редко всходит сама – человеческое сердце не питает естественной любви к ней, а невежество и предрассудок на каждом шагу препятствуют ее движению, и требуется, чтобы движущая сила пронесла ее по миру. Сорняки растут сами, а цветку нужен весь опыт и забота, которую может выделить для него садовник. Заблуждение буйно прорастает в человеческом сердце без никакой нашей помощи, но истине нужно, чтобы какая-то добрая рука посадила и поливала ее, и держала на солнце. Религиозная истина, из всех остальных, меньше всех привлекает невозрожденный ум – и как можно ожидать, чтобы такая истина

пробила себе дорогу в таком мире, как наш, не получая толчка с кафедры, я не знаю, и даже не могу представить себе. Безусловно, что человек, который в должное время и на должном месте формулирует и иллюстрирует свои принципы, и удовлетворяет других, что сам верит в них и дорожит ими, рано или поздно непременно переведет людей в свои взгляды; но человек, который, как известно, имеет взгляды, но всегда молчит о них, вызывает сомнения по отношению своей искренности, и никогда не обратит никого.

Если мы желаем, чтобы Пресвитерианство стало верой вселенской Церкви, то мы должны показать миру, что питаем горячую и преданную привязанность к его принципам. Мы не должны хромать на оба колена – цепляться за одно вероисповедание и отдавать свой авторитет другому. Мы должны перестать быть вялым и гибридным родом – пресвитерианами только по названию. Теперь не время для непоследовательности и сомнения, а для решения, для энергии, для действия. Пресвитерианству нужно продвигаться. Каждый час, который мы отлагаем и не приступаем к какому-то решительному образу действий, страдают наши интересы, как деноминации. В наших обстоятельствах колебание и пассивность чреваты опасностью, если не исчезновением деноминации. Каждая кафедра, находящаяся в нашем распоряжении по всему королевству немедленно должна возбужденно зазвучать о Пресвитерианстве. Если, как деноминация, мы желаем быть верны истине Божьей, если мы хотим, чтобы люди поняли и полюбили нашу систему, если мы хотим настроить общественное мнение против измены и выставить ее на позор и презрение, если мы желаем проталкивать свое Пресвитерианство и обратить внимание собратьев-христиан на то, какое оно библейское и мощное, если мы хотим, чтобы наши друзья последовали за нами, а наши враги – боялись нас, тогда нам нужно научиться почитать свои характерные принципы своей гордостью и славой, проповедовать и учить их до тех пор, пока люди не будут знать их, как азбуку, - и мир, не расположенный слушать будет вынужден выслушать. Церковь, забывающая утверждать свои отличительные принципы и учить их живет в таком мире, как этот, только благодаря терпеливости; ее собственные дети безучастны к ней, а когда она опустится в прах, то немногие будут оплакивать ее падение. Но церковь, громко высказывающая свои взгляды в уши человечества, и которую не могут заставить замолчать ни сила, ни лесть, - у той церкви будет много злейших врагов, но и много сердечных друзей – многие будут ненавидеть ее, но некоторые будут любить ее, и у нее будет кому умереть за нее; везде могут выступать против нее, но у нее, верной истине Божьей, будут святые и мученики и, в должное время, она привлечет мир к своим ногам.

В заключение – слово к пресвитерианам. Эта маленькая книга выходит в мир в основном ради вас, чтобы вы знали библейские основания, на которых покоится пресвитерианская форма церковного руководства, и то, как ее претензии к апостольству так намного превосходят претензии любой соперничающей системы. Вначале я занялся исследованием предмета для своей личной пользы и удовлетворения, но после мне пришло на мысль, что линия аргумента, которая мне кажется такой ясной и убедительной, может пригодится другим, которые, как и я, стремятся познать волю Христа на эту так оспариваемую тему. Я приступил к расследованию с большими опасениями: а вдруг окажется, что та система церковного руководства, с которой я ассоциирован, не имеет начала от Бога? Эти опасения были вызваны в основном правдоподобными утверждениями и уверенными утверждениями независимых авторов; и я признаюсь, что если бы я прислушался к их показной храбрости, я наверняка перестал бы быть пресвитерианином. Но у меня всегда был принцип не называть никого из людей *учителем*, и извлекать свои взгляды на религиозные вопросы из одного Слова Божьего. Я искал света у Источника Света. Я попросил ведения Духа Божьего. Я обратился прямо к Слову Божьему, сравнил одно место с другим и старался прийти к апостольским принципам. Я сопоставил существующие системы церковного руководства с Библией и исследовал их в свете, который излучается из Божьего Святильника. Чтобы никакой важный стих из Писания, никакой веский аргумент не избежал моего внимания, я прочитал несколько самых правдоподобных нападок на Пресвитерианство, и я изучил Прелатство и Независимость так, как они представлены на страницах самых способных их защитников. Результат таков: я уверен, что Прелатство – это вообще человеческая система: сверху донизу она – структура, устроенная людьми. Я уверен, что Независимость, насколько она отличается от Пресвитерианства, не так заблуждается, как имеет недостатки; и что она нуждается, чтобы кто-то «привел в порядок то, чего не хватает». Также я совершенно убежден, что пресвитерианская форма церковного руководства ближе всех остальных приближается к той форме, которая существовала в Апостольской церкви. Для того, чтобы отдать должное всем аргументам, которые можно выдвинуть в пользу этой системы церковного устройства, потребовалась бы большая книга; но, поскольку большие книги часто пишутся, но редко читаются, я подумал, что лучше добраться прямо до сути дела, предоставить вам библейский взгляд на данный предмет и дать вам возможность посудить для самих себя. Во всем я старался не распространяться, чтобы у вас было время прочитать, и выразаться ясно, чтобы даже самые простые среди вас смогли понять. Я нарочно избегал всяких сложных обсуждений и запутанных аргументаций, и постарался предоставить вам факты из Слова Божьего, имеющие отношение к делу – за руку ведущие читателя к тому чистому источнику, и позволяющие ему самому черпать воду. Теперь я приглашаю вас рассмотреть доказательства, приведенные здесь, во всех их частях; проверьте, процитировал ли я неправильно какой-нибудь стих, искажил какой-нибудь факт или какое-нибудь свидетельство, понял ли я Писание в каком-нибудь другом смысле, а не в его простом и естественном; проверьте доводы, приведенные здесь, самым тщательным образом,

который справедливо и честно можно применить; придайте заявлениям Божьего Слова ту важность на которую они справедливо имеют право, - и я уверен, что вы станете считать вместе со мной, что все апостольские принципы церковного руководства находятся только в пресвитерианской церкви. Вам же чего-то стоит иметь хорошие причины для уверенности, что та церковь, с установлениями которой сплетаются мысли о вашем детстве, в храмах которой любимые друзья, которые теперь на небе, познали путь спасения и научились урокам жизни, чьи псалмы и богослужения благоухают памятью о мучениках, в своем управлении, не менее как в учении и поклонении, основывается на Слове Божьем и отвечает ему. Убедившись в этом, ваша обязанность на всю жизнь – отдавать ей сердечную и постоянную поддержку, выполнять повеления ее святынь, принимать ее уроки и участвовать в различных областях полезности, которые она предоставляет. Существует такая вещь, как пресвитерианин, но не христианин, равно как возможно быть христианином, но не пресвитерианином. Заверяю вас, что лучше всего быть и тем, и другим. Сделайте искупление Христово убежищем своей души; твердо держите каждую истину Слова Божьего – и большую, и малую; не поощряйте противостоящие заблуждения; не пытайтесь скрыть свою привязанность к пресвитерианским принципам; и изо всех сил старайтесь оказать честь системе, о связи с которой вы заявляете, посредством любви ко Христу, праведной и последовательной жизни и путем горячих стараний с вашей стороны заслужить репутацию, которой отличались святые Божии в другие и лучшие дни – «народа особенного, ревностного к добрым делам».

Вестминстерское Исповедание Веры

Глава 31. О СИНОДАХ И СОБОРАХ

1. Для лучшего управления Церковью и дальнейшего ее созидания должны созываться собрания, обычно именуемые Синодами или Соборами.

2. Гражданские власти могут законным образом выступать с предложением о созыве Синода служителей Церкви и других компетентных представителей для совета и консультаций по духовным вопросам; но если власти становятся открытыми врагами Церкви, служители Христовы, на основании достоинства их служения, могут сами или с компетентными представителями от их Церквей собираться для таких собраний*.

3. Синодам и соборам принадлежит право пастырей решать спорные вопросы веры и вопросы совести, устанавливать правила и давать указания относительно лучшего проведения богослужения и управления Церковью Божией; принимать жалобы в случаях плохого правления, и властно выявлять подобные случаи. Их постановлениям и решениям, если они находятся в согласии со Словом Божиим, должно подчиняться с благоговением и смирением, не только по причине их согласия со Словом, но и потому, что они приняты властью, установленной для этого Богом, о чем указано в Его Слове.

4. Все синоды и соборы, созываемые с апостольских времен, будь то общие или поместные, могут ошибаться и многие ошибались, поэтому их решения не являются сами по себе правилами веры или практической деятельности, но принимаются в помощь им.

5. Синоды и соборы не должны предпринимать или решать что-либо, не имеющее отношения к Церкви. Им не должно вмешиваться в мирские дела, относящиеся к гражданскому обществу, не считая смиренных обращений в чрезвычайных случаях или подачи своего мнения, чтобы успокоить совесть, если гражданские власти требуют такого мнения.

* От начала Церковь Шотландии считала, что некоторые части этого раздела относятся только к церквам, не принявшим или не учредившим вопрос управления.